

На правах рукописи

ЮДИНА Наталья Владимировна

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ
(на материале конструкции «прилагательное + существительное»)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва

2006

Работа выполнена в Отделе теоретического языкознания Института языкознания РАН

Научный консультант: член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук, профессор
ВИНОГРАДОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
РАЕВСКАЯ ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

доктор филологических наук
СИГАЛ КИРИЛЛ ЯКОВЛЕВИЧ

доктор филологических наук
ИРИСХАНОВА ОЛЬГА КАМАЛУДИНОВНА

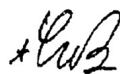
Ведущая организация: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Защита состоится «__»_____ 2007 года в _____ час. на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания РАН по адресу: 125009, Москва, К-9, Б. Кисловский пер., 1/12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН.

Автореферат разослан «__»_____ 200__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

А.В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация подключается к серии отечественных и зарубежных исследований, касающихся проблем теории сочетаемости языковых единиц, и посвящена комплексному лингвокогнитивному описанию лексической сочетаемости в сфере конструкции «прилагательное + существительное» на материале русского языка с привлечением английских и немецких аналогов. В настоящей работе под *лексической сочетаемостью* понимается *конкретная реализация* способности лексических единиц одного порядка вступать в сочетания друг с другом, определяемая как «сложение смыслов» (Щерба 2004), обнаруживаемая в дискурсивном употреблении и противопоставленная *лексической валентности* как *потенциальной* способности лексических единиц вступать в соединения с равнопорядковыми единицами. Конструкция «*прилагательное + существительное*» (далее - «прил. + сущ.») представляет собой простое двучленное сочетание слов, в котором функцию стержневого компонента выполняет имя существительное, находящееся в постпозиции по отношению к контактному расположенному зависимому имени прилагательному и соединенное с ним связью согласования. Сочетания, в которых стержневым компонентом является имя прилагательное или в которых составляющие единицы соединены посредством предлогов, в работе не рассматриваются.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью теоретического осмысления общих и частных вопросов, связанных с дальнейшим изучением лексической сочетаемости, описанной в русле различных лингвистических направлений, самым молодым из которых является *когнитивный подход*, при котором «язык изучается не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» (Кубрякова 2004). Впервые предпринятое в диссертации описание лексической сочетаемости с лингвокогнитивных позиций на материале конструкции «прил. + сущ.» позволяет во многом по-новому интерпретировать традиционный взгляд на сочетаемость слов. В результате привлечения когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования языка в работе выявлен ряд новых особенностей сочетаемости существительных с прилагательными.

Интерес к сочетаниям имен существительных с именами прилагательными, наиболее известным в лингвистической литературе как *атрибутивные/ адъективные сочетания/ словосочетания* или *именные (субстантивные) словосочетания с зависимым компонентом-прилагательным*, обусловлен следующими причинами. Во-первых, анализируемые единицы представляют собой одну из самых регулярных и продуктивных конструкций в большинстве языков флективного типа. Во-вторых, в центре внимания большинства работ, посвященных лексической сочетаемости, в качестве предмета изучения чаще других находятся

комбинации *глагола* с различными частями речи, что, вероятно, вызвано бóльшим удобством описания синтагматических возможностей глагола со структуральных позиций. В-третьих, несмотря на то, что попутных замечаний относительно конструкций «прил. + сущ.» в лингвистической литературе довольно много, последние специальные монографические исследования таких сочетаний датированы серединой 50-х годов XX века (Анисимова 1952; Санкин 1952 и др.). В большинстве современных исследований, выполненных в том числе и в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, основной акцент смещен в сторону выявления возможностей взаимной сочетаемости существительных с прилагательными и описания разнообразных ограничений на эту сочетаемость. Вместе с тем, многие работы опираются на анализ зарубежных исследований, в то время как обширная отечественная лингвистическая литература привлекается скупо. Системного комплексного описания конструкций «прил. + сущ.» до настоящего времени не было. В-четвертых, в последние десятилетия в связи с усложнениями современной жизни российского общества, переоценкой ценностей, переломом мировоззрения и изменением стереотипов мышления сочетания «прил. + сущ.» стали появляться с большой регулярностью как единицы номинации, объективирующие изменения, проявляющиеся как в новых концептах, так и в старых понятиях, обрастающих новыми когнитивными признаками. По замечанию Дж. Лакоффа, «вследствие усложненности современной жизни модели в кластере расходятся все больше и больше». Именно поэтому явления, предметы и т.д. нуждаются в субкатегоризации, для того чтобы субъект смог выбрать единственно «правильно» определяющую в данный момент модель (Лакофф 2004). В этой связи появилась необходимость изучения данных единиц номинации, выполняющих особую функцию идентификации и выделения новых реалий в непосредственном окружении человека, с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования языка. Привлечение к анализу сочетаний «прил. + сущ.» когнитивного подхода позволило дать более глубокую интерпретацию анализируемой конструкции по ее месту в когнитивно-культурологическом пространстве языка и показать когнитивные операции, вскрывающие композиционную семантику комплексных единиц, их концептуальную насыщенность и особенности некоторых глубинных ментальных процессов в именном композиционном пространстве разных языков и разных культур.

Целью реферируемой диссертации является разработка наиболее полного, по возможности исчерпывающего интегративного описания лексической сочетаемости с лингвокогнитивных позиций на материале конструкции «прил. + сущ.».

В процессе исследования ставились и решались **следующие задачи**:

1) описать существующие в отечественном и зарубежном языкознании подходы к ключевым лингвистическим терминам ‘сочетаемость’ и ‘валентность’, выявив их принципиальные отличия и установив четкие дефиниционные ориентиры;

2) показать неразрывную связь знания о языке и знания о мире, обосновав необходимость привлечения когнитивно-дискурсивной парадигмы к традиционным исследованиям лексической сочетаемости;

3) выявить и систематизировать разнообразные лингвистические и экстралингвистические методики изучения конструкции «прил. + сущ.»;

4) определить некоторые новые гетерогенные и гетерохронные особенности сочетаний «прил. + сущ.»;

5) исследовать синтагматические возможности различных групп сочетаний «прил. + сущ.» и предпринять попытки типологизации этих конструкций в зависимости от степени выводимости/ невыводимости композиционной семантики из суммы значений составляющих частей;

6) систематизировать современные сочетания «прил. + сущ.» с точки зрения происхождения стоящих за ними знаний и их концептуальной насыщенности, а также с позиций их соответствия известным и описанным к настоящему времени структурам знания;

7) обосновать необходимость выделения среди сочетаний «прил. + сущ.» особых единиц промежуточного типа, названных в работе атрибутивно-субстантивными комплексами (АСК); выявить их дифференциальные признаки, а также сходства и отличия по сравнению со свободными и несвободными сочетаниями слов;

8) изучить особенности употребления сочетаний существительных с прилагательными в современном дискурсе и описать - применительно к когнитивному стилю современной языковой личности - основные закономерности функционирования анализируемых конструкций в начале XXI века.

Эмпирической базой настоящего исследования является картотека объемом более *тридцати тысяч* сочетаний «прил. + сущ.», отобранных методом сплошной выборки из произведений русской художественной литературы (преимущественно XIX-XX вв.), а также из газетных публикаций и аудиовизуальных средств массовой информации (2000–2006 гг.) с привлечением английских и немецких аналогов из соответствующих зарубежных источников.

На защиту выносятся следующие теоретические положения:

1. Современная лингвистическая наука требует дальнейшего углубления, расширения и систематизации представлений о синтагматических отношениях между различными группами лексических единиц. В этой связи возникает необходимость в привлечении когнитивного подхода к существующей многоаспектной теории лексической сочетаемости на том основании, что во многом известные *знания о языке* теснейшим образом связаны с уникальными *знаниями* человека *о мире*. В основу типологии, предлагаемой в настоящей работе, положены комплексные *лингвокогнитивные* особенности сочетаемости, где под *лингвистическими* понимаются известные знания языка и о языке, а под *когнитивными* имеются в виду знания человека о мире.

2. Конструкция «прил. + сущ.», на основе которой в настоящей работе выполнено исследование лексической сочетаемости в когнитивном аспекте, представляет собой категорию с *размытыми границами* и отличается принципиальной *гетерогенностью* и *гетерохронностью* своего состава.

3. Анализ многочисленных работ, посвященных конструкции «прил. + сущ.» и выполненных в русле различных направлений и парадигм, дает основание признать своего рода *уникальность* сочетаний существительных с прилагательными как единиц, обладающих особым, *промежуточным статусом*, связанным с формальной *расчлененностью* состава и одновременной *холистичностью* значений анализируемых сочетаний, выступающих довольно часто в качестве *готовых комбинаций*.

4. Одна из особенностей конструкции «прил. + сущ.» состоит в том, что подавляющее большинство этих единиц располагается в *промежуточной зоне* - между абсолютно свободными и полностью связанными сочетаниями слов. В этой связи кажется целесообразным обратить внимание на тот факт, что известная традиционная *номенклатура языковых единиц* требует дальнейшей детализации в сфере некоторых *промежуточных типов*, располагающихся, в частности, между свободными словосочетаниями и несвободными сочетаниями слов.

5. Извлеченный из современных источников материал позволил обратить внимание на существование в сфере сочетаний «прил. + сущ.» особых структур знания, получивших название *атрибутивно-субстантивных комплексов*, отличающихся по ряду признаков от известных комбинированных языковых единиц. Атрибутивно-субстантивные комплексы - это построенные по модели «прил. + сущ.» конструкции, представляющие собой промежуточные на лингвистическом уровне единицы, находящиеся между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями. Они хранятся в мозгу разных носителей одного и того же языка в виде целостной когнитивной структуры, имеющей имплицитный «надсмысл», в большинстве своем не выводимый из семантики составляющих компонентов, а основанный на фоновых знаниях индивида. Значения таких образований часто не характеризуются *композициональностью*: значение целого в большинстве своем не выводится из значений его частей, но мотивируется ими. Атрибутивно-субстантивные комплексы характеризуются определенным набором *дифференциальных признаков*.

6. Представленные в настоящей работе атрибутивно-субстантивные комплексы выстраиваются на своеобразной *шкале композиционной семантики* в зависимости от степени выводимости/ невыводимости значений сочетаний из суммы составляющих компонентов. Так, на одном полюсе описанной в диссертации шкалы находятся *свободные* словосочетания, рядом с которыми в порядке убывания располагаются *традиционно-эпитетные*, *экзистенциально-перцептивные* и *стандартизированные* сочетания, значения которых наиболее выводимы из суммы значений составляющих компонентов. Далее за ними следуют *клишированные*, *этикетные* и

номинарующие сочетания как не выдерживающие теста на предикацию, но, вместе с тем, в большинстве своем, выводимые из суммы значений составляющих компонентов. В центре шкалы занимают особое положение и, следовательно, имеют особый статус те композиционные сочетания, значения которых характеризуются имплицитным смыслом, обусловленным фоновыми знаниями носителей языка, а именно: 1) *стереотипные* со всеми разновидностями, 2) *культурологически маркированные*, 3) *исторически обусловленные*, или *хронологически маркированные*, а также 4) *дискурсивные*. Наиболее близко к декомпозиционным находятся *перифрастические* и *эвфемистические* сочетания, отличающиеся особым механизмом производства и воспроизводства (ср.: выделение - деструктурирование - интегрирование). На нижнем полюсе шкалы композиционной семантики рядом с полностью не выводимыми фразеологическими единицами находятся следующие группы *декомпозиционных* сочетаний: 1) *фальсифицирующего* типа, 2) *«аннулирующие»*, 3) *оксюморонные*, 4) *имитирующего* типа и 5) *модификационные*.

7. Атрибутивно-субстантивные комплексы представляют собой во многом новый пласт лексики и фиксируют новый формат знания. Они очень *активно используются* в настоящее время в силу того, что удовлетворяют всем требованиям, предъявляемым пользователями языка. Такие комплексы выступают в качестве *готовых* единиц, *субкатегоризуя* при этом те явления, предметы и объекты окружающей действительности, которые, вследствие усложненности современной жизни, нуждаются в выделении из мира подобных.

8. Сочетания «прил. + сущ.» в целом оказывают влияние на формирование современного *когнитивного стиля* начала XXI века, к основным характеристикам которого относятся аналитичность, дифференциальность, креативность, динамичность, импульсивность, эмоциональность, а также крайне высокая степень эксплицитной и имплицитной свободы.

9. Функционирование современных атрибутивных сочетаний в настоящее время характеризуется рядом особенностей, сконцентрированных, главным образом, в лексико-семантической, словообразовательной и синтаксической сфере. Вместе с тем, их употребление подчиняется общим закономерностям развития современного языка, среди которых наиболее последовательно выделяется, с одной стороны, *демократизация/ вульгаризация/ криминализация* языка, а с другой стороны - все ярче проявляющаяся *интеллектуализация* языковых процессов.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1) диссертация представляет собой *первое монографическое* исследование и описание одной из наиболее частотных, регулярных и продуктивных конструкций - сочетаний, построенных по модели «прил. + сущ.», - во всем ее *лингвокогнитивном объеме* и во всей совокупности присущих данным единицам интралингвистических и экстралингвистических признаков;

2) проведенное исследование расширяет, углубляет и дифференцирует научные представления о *синтагматических особенностях* существительных

и прилагательных, которые обуславливаются как собственно языковыми причинами, так и экстралингвистическими факторами. При этом исследуются не только и не столько внутренние потенции семантики каждого имени в отдельности, но анализируется концептуально-когнитивное «согласование» существительных и прилагательных;

3) впервые построена и описана *шкала композиционной семантики* на примере сочетаний «прил. + сущ.», располагающихся в «промежуточной» зоне - между полностью выводимыми и абсолютно не выводимыми из суммы значений составляющих компонентов значениями целого;

4) посредством привлечения к анализу лингвокогнитивного подхода предпринята попытка выделения и описания новой промежуточной единицы, получившей название *атрибутивно-субстантивного комплекса* (АСК);

5) во многом по-новому систематизированы и классифицированы некоторые направления когнитивных исследований на материале сочетаний «прил. + сущ.», что в дальнейшем может привести к более глубокому осмыслению и более четкому структурированию современных лингвокогнитивных методик;

6) благодаря привлечению к анализу новейшего языкового материала намечены некоторые возникающие тенденции в сочетаемости существительных с прилагательными, во многом иллюстрирующие собой общие закономерности развития языка, а также процессы формирования когнитивного стиля начала XXI века.

В работе использованы следующие **методы и приемы**: в рамках *описательного* и *описательно-сопоставительного* методов осуществлялись приемы наблюдения и интерпретации, классификации и систематики языковых явлений, их сопоставления и противопоставления; приемы трансформаций вместе с методикой лингвистического эксперимента (внесение, удаление, замещение, перестановка компонентов, проверка на определенный вид трансформации), а также методы *интроспекции*, *компонентного* и *контекстуального* анализа, метод *семантических дефиниций*. В ходе исследования был проведен *свободный ассоциативный эксперимент*, в котором участвовали респонденты, проживающие в России и в ФРГ (315 информантов – русскоязычные монолингвы, монолингвы-немцы и естественные русско-немецкие билингвы), в результате чего был также привлечен *метод экспериментального изучения* и *статистического анализа* полученных и классифицированных по различным критериям экспериментальных данных, а также *когнитивно-прагматический анализ* вербализованных результатов.

Теоретическая значимость исследования predeterminedена его актуальностью и новизной и заключается в следующем:

- диссертационное сочинение вносит определенный вклад в лингвистическую теорию сочетаемости на том основании, что к уже известным аспектам рассмотрения совместимости/ несовместимости лексических единиц подключается новый, до настоящего времени подробно

не описанный применительно к теории сочетаемости когнитивно-дискурсивный подход;

- работа является первым интегративным монографическим описанием лингвокогнитивных особенностей сочетаемости существительных с прилагательными в отечественной и зарубежной практике;

- в проведенном исследовании обосновывается необходимость создания шкалы композиционной семантики применительно к сочетаниям «прил. + сущ.» и впервые подробно описываются единицы промежуточного характера, расположенные на данной шкале в зависимости от выведенных особенностей их композиционной семантики;

- в диссертации предлагается расширить номенклатуру известных языковых единиц за счет введения атрибутивно-субстантивного комплекса как одной из промежуточных единиц синтаксического уровня, располагающейся между полностью свободными и абсолютно несвободными сочетаниями слов;

- диссертационное сочинение, построенное на выявлении механизмов интеграции смыслов и когнитивных процессов композиции компонентов сочетаний «прил. + сущ.», подключается к когнитивной теории концептуальной интеграции («слияния», «смещения») ментальных пространств и иллюстрирует основные положения этой теории. В частности, наиболее релевантным является тезис о том, что построение языкового значения представляет собой творческий процесс создания новых структур, не сводимых к простому сложению свойств исходных компонентов;

- в работе проанализирован значительный иллюстративный языковой материал, позволяющий делать выводы и обобщения относительно современной языковой ситуации, например, о некоторых новых тенденциях в сочетаемости лексических единиц и о формировании когнитивного стиля языковой личности начала XXI века.

Практическая значимость диссертационной работы состоит в возможности использования ее материалов и выводов в вузовской практике - в преподавании теоретических курсов по общему языкознанию, когнитивной лингвистике, семантике, а также в подготовке спецкурсов и спецсеминаров. Материалы исследования нашли применение в процессе чтения лекционных курсов по лексикологии и синтаксису современного русского языка, а также в спецкурсах («Русская языковая картина мира») и спецсеминарах («Проблемы сочетаемости языковых единиц» и «Активные процессы в современном русском языке»), при написании выпускных квалификационных и курсовых работ студентами филологического факультета Владимирского государственного педагогического университета (в 1998-2006 гг.). Материалы диссертационной работы использованы при составлении учебно-методических пособий «Имя и глагол» (Дмитровград, 2001), «Виды синтаксического разбора на занятиях по современному русскому языку. Часть 1. Словосочетание. Простое предложение» (Владимир, 2002). На основе представленного в диссертации теоретического материала создан и прочитан специальный курс лекций для преподавателей русского языка в

рамках семинара «Русско-немецкий диалог: культура - язык - ментальность», проведенного в Институте иностранных языков при Университете Эрланген-Нюрнберг имени Фридриха-Александра в ноябре 2004 года (грант МО РФ, договор №1253 от 28 мая 2004 г.). Часть материалов настоящей работы нашла отражение в ряде рубрик еженедельной программы о русском языке «Лексикон», выходящей на владимирском областном теле- и радиоканале при участии Н.В.Юдиной в качестве автора и ведущей передачи (ГТРК «Владимир», 2003-2006 гг.).

Апробация работы. Основные положения и результаты обсуждались на следующих научных конференциях, конгрессах и семинарах: *международная научная конференция «Язык и культура»* (Москва, 2001, 2003, 2005), *«Русистика на пороге XXI века»* (Москва, 2003), *«Виноградовские чтения»* (Москва, 2000), *«Полифония в культуре, тексте и языке»* (Вильнюс, Литва, 2002), *«Психолингвистика и социоллингвистика: состояние и перспективы»* (Алматы, Казахстан, 2003), *«Обработка текста и когнитивные технологии»* (Варна, Болгария, 2004), *«Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект»* (Владимир, 1999, 2001, 2003, 2005); *международная научно-методическая конференция «Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка»* (Варшава, Польша, 2003-2005); *международная научно-практическая конференция «Человек. Язык. Искусство»* (Москва, 2002); *международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность»* (Москва, 2001, 2004); *международный конгресс по когнитивной лингвистике* (Тамбов, 2006); *международный семинар «Русско-немецкий диалог»* (Эрланген, Германия, 2004), *«Проблемы идиоэтнической фразеологии»* (Санкт-Петербург, 2003); *международный симпозиум по русскому языку* (Эрланген-Нюрнберг, Германия, 2004); *международный научный симпозиум «Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии»* (В.Новгород, 2004), - а также докладывались и на некоторых других международных, всероссийских, общероссийских, республиканских, региональных и межвузовских научных, научно-методических и научно-практических конференциях (Сыктывкар, 1999; Чебоксары, 1999; Киров, 2000; Тверь, 2001; Иваново, 2005; Иркутск, 2005).

Материалы диссертации обсуждались на заседаниях Отдела теоретического языкознания Института языкознания РАН (2002-2006 гг.) и кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического университета (1998-2006 гг.).

По теме диссертации опубликованы 55 работ, в том числе 2 монографии, 6 статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, а также 2 статьи в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики».

Структура работы обусловлена основными целями и задачами исследования, а также характером привлеченного для анализа языкового

материала. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные цели и задачи, характеризуется языковой материал, перечисляются методы и приемы, привлеченные в качестве инструментов анализа, выявляется научная новизна полученных результатов. Кроме того, представлены данные об апробации работы и о внедрении ее материалов в вузовскую практику преподавания лингвистических дисциплин.

В главе первой «**Сочетаемость и валентность в современной лингвистике**» выявлены существующие в отечественном и зарубежном языкознании подходы к ключевым лингвистическим терминам 'сочетаемость' и 'валентность', описаны типы сочетаемости и уровни валентности, а также обращено особое внимание на проблемы совместимости/ несовместимости языковых единиц и причины ограничений на их сочетаемость в конструкциях «прил. + сущ.».

В §1 «О ТЕРМИНАХ 'ВАЛЕНТНОСТЬ' И 'СОЧЕТАЕМОСТЬ'» отмечено, что взаимосвязь лингвистических терминов и лингвистических идей является одной из серьезнейших проблем в языкознании. При этом лингвистическая терминология до сих пор остается семиотически небезупречной системой, что видно на примере использования в научном обиходе терминов 'сочетаемость' и 'валентность'. Вопрос о статусе *сочетаемости* как особом лингвистическом термине возник после появления в 40-х годах XX века конкурирующего термина 'валентность' (от лат. *valencia* - сила), который был введен в отечественное языкознание С.Д.Кацнельсоном для обозначения общей сочетательной способности *слов*. В западноевропейской лингвистике понятие валентности активно использовалось, благодаря Л.Теньеру, применительно к описанию сочетательных потенций *глагола*. Вместе с тем, четкие дефиниционные ориентиры двух широко используемых в языкознании терминов до сих пор не установлены. В диссертации приводится подробный анализ употребления и толкования терминов 'сочетаемость' и 'валентность' в научной литературе и в лексикографических источниках (Апресян 1995; Аракин 1972; Арнольд 1966; Арутюнова 1974; Ахманова 1966, 1990; Барлас 1984; Березин, Головин 1979; Васильева 1995; Виноградов 1978; Востоков 1839; Всеволодова 2000; Гак 1990; Греч 1827; Докторевич 1972; Кацнельсон 1948, 1986; Копыленко 1973; Котелова 1975, 1978; Красных 2001; Левицкий 2001; Ломоносов 1952; Мельчук 1997; Прокопович 1966; Розенталь 1976; Скобликова 1990; Степанова 1978; Телия 1996; Теньер 1988; Федосов 1980; Филичева 1967; Чесноков 1984; Чеснокова 1971; Чумак 1998; Шмелев 1973, 1977; Helbig, Schenkel 1973; Beiträge zur Valenztheorie 1971; Bondzio 1971; Ružička 1978 и мн. др.). Как оказалось, в некоторых лингвистических работах термины 'валентность' и 'сочетаемость' употребляются как абсолютные синонимы. В ряде других исследований

отдается предпочтение либо одному из них, либо другому. Существует также мнение, согласно которому термин 'валентность' употребляется в зарубежной лингвистической литературе, а термин 'сочетаемость' используется в исследованиях отечественных языковедов. В подавляющем большинстве работ понятия 'валентность' и 'сочетаемость' имеют ряд принципиальных отличий, однако единодушия в квалификации этих терминов среди лингвистов не наблюдается. В реферируемой диссертации принимается за основу следующее понимание валентности и сочетаемости. Термин 'валентность', исходя из его первичного (специального, химического) значения, может означать *способность* единиц одного порядка вступать в сочетания друг с другом и, как кажется, может быть применим прежде всего по отношению к *слову* как основной единице языка. Кроме того, следует различать валентность *языковую*, которая представляет собой *потенциальную* способность языковой единицы сочетаться с другими, и валентность *речевую*, которая не всегда может соответствовать этим потенциальным способностям сочетающихся языковых единиц и даже - более того - нарушать традиционные закономерности соединения (напр., оксюмороны). Вместе с тем, под *сочетаемостью* следует понимать *конкретную реализацию* данной способности слова, которая обнаруживает себя в дискурсивном употреблении и может быть выявлена и изучена на основе анализа конкретного языкового материала.

В §2 «УРОВНИ ВАЛЕНТНОСТИ И ТИПЫ СОЧЕТАЕМОСТИ» указано, что многочисленные и разноплановые исследования валентности и сочетаемости языковых единиц составляют теоретический фундамент и методологическую базу двум существующим на паритетных началах лингвистическим теориям – *теории валентности* и *теории сочетаемости*. Отечественные и зарубежные языковеды дифференцированно подходят к проблеме определения типов сочетаемости и уровней валентности, в результате чего в современной лингвистике существует множество различных формальных и содержательных классификаций уровней валентности и типов сочетаемости. В диссертации подробно описаны уровни и аспекты ВАЛЕНТНОСТИ, выделяемые в зависимости от общей сочетательной способности (*активная/центробежная* и *пассивная/центростремительная*), в соответствии с фактором облигаторности (*обязательная* и *факультативная*), по количественному признаку, в зависимости от синтаксической функции дополняющего члена, а также категориальной семантики слова, реализующего валентность. Наибольшее внимание сосредоточено на классификациях валентности, в основании которых лежат факторы, определяющие потенциальную возможность языковых единиц сочетаться друг с другом (ср. выделенные в лингвистической литературе следующие типы валентности: *грамматическая* - *лексическая* (Гак 1990); *категориальная* - *семантическая* (СССРЯ 2002); *логическая* - *семантическая* - *синтаксическая* (Степанова, Хельбиг 1978); *лексическая* – *лексико-грамматическая* - *грамматическая* (Всеволодова 2000) и мн.др.). Отмечено также, что в работах последних десятилетий предложена попытка выделения

типов валентности на всех уровнях языка (в соответствии с видами сочетаемости), и поэтому в научный обиход постепенно вводятся такие понятия, как *валентностное словообразование*, *валентностная грамматика*, *валентностный синтаксис*.

Не менее разветвленной является и классификация представленных в лингвистической литературе типов СОЧЕТАЕМОСТИ (ср.: *обусловленная - произвольная, контактная - дистантная, формальная - семантическая, облигаторная - факультативная, свободная - несвободная*). Наиболее последовательно описаны три основных вида сочетаемости (на уровне фонем, словоформ и слов), каждый из которых также в свою очередь имеет ряд подвидов. Так, на уровне слов выделяют грамматическую/морфосинтаксическую, лексическую и семантическую (Апресян 1995), лексическую, морфологическую и синтаксическую (Чеснокова 1972), грамматическую, синтаксическую и лексико-семантическую сочетаемость (Привалова 2005) и др. Однако наиболее подробно в работах исследователей описаны два вида сочетаемости - *лексическая*, понимаемая как «сочетаемость смыслов», (Шмелев 1977; Щерба 2004) и *синтаксическая*, определяемая лексико-грамматической природой слова. В рамках *лексической* сочетаемости выделяют также *абсолютную* и *относительную* (Котелова 1975), *стилистическую*, *эмоционально-экспрессивную* и *семантическую* сочетаемость (Барлас 1984) и мн.др. Особое внимание в диссертации обращено на появившиеся в течение двух последних десятилетий классификации типов и видов сочетаемости и валентности, в основание которых не только и не столько положены собственно лингвистические факторы, сколько привлечены лингвокогнитивные и лингвокультурологические аспекты описания сочетаемости лексических единиц (ср., напр.: *когнитивно-семантическая* и *онтологическая сочетаемость* (Баранов 2003), *собственно ассоциативная сочетаемость* (Красных 2003), *межкультурная валентность* (Чумак 1998 со ссылкой на С.К. Миловскую) и нек. др.).

§3 «СОВМЕСТИМОСТЬ/ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И ПРИЧИНЫ ИХ ОГРАНИЧЕННОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ (на материале конструкции «прилагательное + существительное»)» свидетельствует о том, что отечественной и зарубежной лингвистикой накоплен богатый иллюстративный материал, касающийся проблем совместимости/ несовместимости языковых единиц. Ведущее место в этих описаниях уделено ограничениям на сочетаемость. Вместе с тем, следует признать, что если интралингвистические основания совместимости/ несовместимости языковых единиц описаны детально, то экстралингвистические причины изучены недостаточно.

В реферируемой диссертации проблема сочетаемостных ограничений проиллюстрирована на материале конструкции «прил. + сущ.». Среди факторов, влияющих на совместимость существительных с прилагательными, отмечены следующие. I. ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ: 1) грамматический (морфо-синтаксический, морфологический, словесно-грамматический) фактор, проявляющийся в формировании грамматических

связей слов и дающий информацию о морфологическом и синтаксическом статусе контекстных партнеров (ср.: **вкусный* яблоко, **большая* дом); 2) лексические и лексико-семантические ограничения на сочетаемость иллюстрируются избирательностью лексем в так называемых «постоянных контекстах» (*карие глаза, кауряя лошадь, жгучий брюнет, крошечная тишина*); 3) семантические ограничения обусловлены особенностями значений сочетающихся слов (наличие общих, специфических и несовместимых сем) (ср.: **фарфоровая шляпа* (Арутюнова 2002), **une chaise enrhumée* (Гак 1977), **handsome girl* (Кифер 1985); 4) трансформационно-синтаксический фактор связан со способностью/неспособностью прилагательных выполнять функцию атрибута и предиката при определенном существительном, сохраняя тождественность семантики образуемых конструкций (ср.: *синяя ручка* и *эта ручка синяя; the late vicar* и *the vicar is late* (Taylor 1992)); 5) стилистические ограничения фиксируют стилистическое соответствие/ несоответствие компонентов сочетания друг другу и контексту в целом (ср.: **глупая смерть* и **глупая кончина* (*кончина* имеет помету ‘высок.’), *парижская резиденция (президента)* и **парижская жилплощадь (президента)* (сущ. *жилплощадь* имеет помету ‘советск. офиц.-дел. или офиц.-прост.’) (Апресян 1997)).

II. К ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИМ факторам, влияющим на сочетаемость существительных с прилагательными, относятся: 1) *логическая* совместимость/ несовместимость слов, основанная на факте возможности или невозможности существования определенных реалий действительности (ср.: **конусообразный квадрат, трапециевидный ромб*); 2) *социокультурная* совместимость/ несовместимость лексем обусловлена существованием общепринятых социальных, моральных и иных установок, стереотипов и оценок (ср.: *прелестный бандит, кристальный деляга, honest rogue, melancholy grandeur* (Шаховский 1987)); 3) «*национально-лингвистическая*» совместимость/ несовместимость лексем связана с особенностями грамматической и лексической «традиции» в подаче материала (англ. **weak progress* вместо *poor progress* (ср. русск. *слабые успехи* и *слабый человек*), **correct features* вместо *regular features* (ср. русск. *правильные черты лица* и *правильный ответ*) (Горелик 2001); 4) *лингвокультурная/лингвокультурологическая* совместимость/ несовместимость лексических единиц обусловлена национально-специфическими различиями в практике освоения действительности и связана с далеко не всегда совпадающей реализацией лингвокультурных концептов в разных языках (рус. *крепкий чай* - англ. *strong tea* - кит. *густой чай*; рус. *черствый хлеб* - англ. *stale bread* (Карасик 2002); рус. культурные концепты «*родная земля*», «*тайная власть*», «*гражданское общество*» (Степанов 2001)); 5) *коммуникативная, или прототипическая, совместимость/ несовместимость* слов обнаруживает себя в том случае, когда в определенной прототипической ситуации к названному объекту не может быть применено данное свойство (ср.: *утонченный агроном, глубокая брошюра* (Рахилина 2000)). В диссертации отмечается, что наименее изученными являются *лингвокогнитивные*

особенности совместимости/ несовместимости лексических единиц, которые должны быть исследованы исходя из взаимодействия существительного с прилагательным на когнитивном уровне и определения отношения сочетания в целом к концептуальным структурам сочетающихся слов (Кубрякова 2004).

В заключение первой главы указано, что диссертация подключается к серии работ, исследующих сочетаемость лексических единиц во *всем лингвокогнитивном объеме* с учетом как интралингвистических, так и экстралингвистических особенностей совместимости/ несовместимости существительных с прилагательными. При этом главное внимание в настоящем исследовании уделяется описанию *обусловленной и произвольной, контактной лексической, семантической и грамматической (морфологической и синтаксической) облигаторной и факультативной, «свободной» и несвободной сочетаемости существительных с прилагательными с учетом стилистических особенностей анализируемых художественных и публицистических текстов, с привлечением работ по классическому языкознанию и с опорой на современные лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования.*

Глава вторая «Из истории изучения конструкции «прилагательное + существительное» представляет собой обзор основных этапов исследования конструкции «прил. + сущ.» с позиции трех традиционно выделяемых в настоящее время парадигм - сравнительно-исторической, структурно-семантической и антропологической. Выявляются и систематизируются разнообразные лингвистические и экстралингвистические методики изучения атрибутивных сочетаний, главное внимание среди которых уделяется психолингвистическим, сравнительно-сопоставительным и лингвокультурологическим исследованиям.

Как показывает анализ лингвистической литературы, атрибутивные сочетания неоднократно служили объектом изучения многочисленных работ отечественных и зарубежных языковедов. Стойкий интерес к конструкциям «прил. + сущ.», вероятно, продиктован тем, что эти единицы, несмотря на свою прозрачность с точки зрения структуры и кажущуюся, на первый взгляд, простоту семантики, представляют собой единицы с разной степенью связанности и семантической цельности, иллюстрируя богатые семантико-композиционные возможности входящих в них компонентов. В §1 «АТРИБУТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В КЛАССИЧЕСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ» обоснована необходимость систематизации специальных исследований и множества попутных замечаний, посвященных конструкции «прил. + сущ.», а также подробно проанализированы и описаны основные направления в истории изучения сочетаний существительных с прилагательными в классическом языкознании. Исследование сочетаний «прил. + сущ.» в русле *диахронного* направления (Бенвенист 1974; Богородицкий 1935; Виноградов 1993; Жирмунский 1946; Кацнельсон 1949, 1972, 1986; Колесов 1991; Кубрякова 1978, 2004; Мещанинов 1978; Пауль 1960; Потеня 1968; Чанышев 1981; Шахматов 1957; Hartmann 1936; Sommer 1928 и мн.др.) было сосредоточено на выявлении этапов и причин выделения существительных и

прилагательных как особых частей речи из диффузного (синкретичного, нерасчлененного, целостного) имени.

Синхронное направление в исследовании сочетаний «прил. + сущ.» представлено несколькими разновидностями (собственно лингвистической, психолингвистической, лингвокультурологической и лингвокогнитивной), каждая из которых также разделяется на ряд подвидов. Среди *собственно лингвистических* исследований выделяются *грамматический* и *лексико-фразеологический* аспекты. ГРАММАТИЧЕСКИЙ аспект изучения сочетаний «прил. + сущ.» начинается с классических *морфолого-синтаксических* исследований (М.В.Ломоносов, А.Х.Востоков, Н.И.Греч, Ф.И.Буслаев, В.В.Виноградов, И.И.Мещанинов, М.Н.Петерсон, А.М.Пешковский, В.К.Поржезинский, А.А.Потебня, Ф.Ф.Фортунатов, А.А.Шахматов, Л.В.Щерба), которые получили дальнейшую интерпретацию в русле структурно-синтаксического, ситуативно-синтаксического и логико-синтаксического подходов. *Структурно-синтаксический* подход к описанию сочетаний «прил. + сущ.» представлен, главным образом, в работах отечественных лингвистов (В.Г.Адмони, М.В.Всеволодова, Б.Н.Головин, О.А.Ермакова, Л.Ю.Максимов, Н.Н.Прокопович, В.И.Фурашов и др.). В этих исследованиях предпринята попытка установить грамматическую природу словосочетаний, выявить закономерности взаимного синтагматического функционирования («притяжения» и «отталкивания») существительных и прилагательных в дискурсивном употреблении (не только на уровне словосочетания, но и в строе предложения) на основе анализа языкового материала, извлеченного из классической художественной литературы XVIII-XX вв. Основным теоретическим положением, лежащим в основе *ситуативно-синтаксического* подхода (В.Г.Гак, Б.Потье, А.Греймас, И.Дюбуа), является утверждение В.Г.Гака о том, что «референтом высказывания является ситуация», а сочетаемость изучается «через определение зависимости одной номинации от другой номинации окружения, отражающего предметно-логические связи, вычленяемые в структуре ситуации». В основе *логико-синтаксического* подхода (Н.Д.Арутюнова, З.Вендлер, Дж.МакКоли, Ч.Филлмор), получившего широкое распространение среди лингвистов, лежит *денотативная*, или *референтная*, концепция значения предложения, которая имеет своей целью «определение отношений между высказыванием и обозначаемой им экстралингвистической ситуацией, или событием» (Арутюнова 2002). В диссертации подробно описаны результаты исследований, выполненных применительно к конструкции «прил. + сущ.». не только в русле *грамматического*, но и ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО аспекта, в рамках которого выделяются три подхода - логико-семантический, лексико-семантический и фразеологический. *Логико-семантический* подход основан на факте возможности/ невозможности существования во внеязыковой действительности реалий, обозначенных номинациями «прил. + сущ.», и касается взаимоотношений между логической и грамматической правильностью речи (Ш.Балли, Е.Гуссерль, Б.Смит, Х.Штейнталь). При

лексико-семантическом подходе (Ю.Д.Апресян, О.С.Ахманова, Е.М.Вольф, А.К.Жолковский, В.А.Звегинцев, В.Лайзи, И.А.Мельчук, П.Х.Ноуэлл-Смит, К.Твардовский, А.Н.Шрамм и др.) основное внимание исследователей сконцентрировано на характере взаимоотношений значений существительных и прилагательных при образовании словосочетаний и создании множества различных лексико-семантических, тематических, функциональных и др. классификаций имен существительных и прилагательных, а также атрибутивных сочетаний в целом. *Фразеологический* подход в исследовании сочетаний «прил. + сущ.» представлен в лингвистической литературе достаточно широко. Сюда относятся как специальные исследования, посвященные фразеологическим единицам типа «прил. + сущ.» (Анисимова 1952; Савватеева 1982; Санкин 1952; Черкасская 1979), так и те, где этот вопрос рассматривался лишь попутно (В.Л.Архангельский, В.В.Виноградов, С.Г.Гаврин, А.В.Жуков, В.П.Жуков, А.В.Кунин, Б.А.Ларин, В.М.Мокиенко, А.И.Молотков, В.Н.Телия). Другие разновидности синхронного направления в исследовании сочетаний «прил. + сущ.» рассматриваются в следующих параграфах.

В §2 «ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ КОМБИНАЦИЙ ИМЕН» представлены данные психолингвистических работ, в большинстве своем попутно касающихся проблем квалификации, интерпретации и описания формирующую индивидуальную картину мира языковых средств, созданных по модели «прил. + сущ.». Психолингвистические исследования внесли новизну в теорию сочетаемости существительных с прилагательными тем, что переключили внимание на *человека* как носителя языка и культуры, в чьем сознании живет, по А.М.Пешковскому, «стойкая форма словосочетания: «прилагательное + вызывающее в нем согласование существительное» (Пешковский 1956). В реферируемой диссертации обращено внимание на те психолингвистические исследования, которые имеют непосредственное отношение к анализируемой конструкции (А.Н.Брудный, Т.М.Дридзе, А.Н.Журинский, А.А.Залевская, А.П.Клименко, В.В.Левицкий, А.А.Леонтьев, А.Р.Лурия, Г.С.Щур и др.). Наиболее широко распространенным при описании сочетаний «прил. + сущ.» оказался *ассоциативный эксперимент*, где анализу подвергаются единицы ассоциативных полей, относящихся преимущественно к двум (по Ю.Н.Караулову) зонам: «какой», в которой раскрываются интегральные признаки, характеризующие слово-стимул, и «каков», где выявляются оценочные характеристики слова-стимула. Значительно реже ассоциативные поля исследуются в сфере зон «кто» и «что». Согласно проведенным *ассоциативным* экспериментам, сочетания «прил. + сущ.» в мозгу человека представляют собой целостное, гештальтное образование, а отношения между существительным и прилагательным носят взаимообуславливающий характер. Так, например, грамматические взаимосвязи характеризуются проявлением отчетливой закономерности в соотношении грамматических категорий слова-стимула и слова-реакции: имя существительное в большинстве случаев вызывает реакцию в виде определения, выраженного

именем прилагательным (Андриевская 1971). С другой стороны, по утверждению А.Р.Лурии, имена прилагательные «почти всегда требуют дополнения соответствующим существительным, выбор которого определяется как смысловой близостью, так и частотой встречающихся сочетаний (ср.: «красный» - *флаг*, «Советский» - *Союз*, «спелое» - *яблоко*, «острый» - *нож* и т.д.)» (Лурия 1979). Результаты подобных ассоциативных экспериментов, подтверждающих взаимное тяготение существительного и прилагательного друг к другу, зафиксированы в большинстве существующих словарей ассоциативных норм (РАС 1994, 1996; САНРЯ 1970 и др.). В реферируемой диссертации также замечено, что значительно реже для описания особенностей сочетаний «прил. + сущ.» применялся метод *шкал* и метод *субституций*. В заключение параграфа обращено внимание на необходимость использования специальных психолингвистических методов в современных исследованиях, выполненных с позиций когнитивного подхода.

В §3, посвященном сравнительно-сопоставительным исследованиям национально-культурной специфики сочетаний существительных с прилагательными, указывается, что подобного рода исследования имеют прикладной характер и сосредоточены на решении следующего ряда вопросов: 1) совпадение/ несовпадение грамматических конструкций, выражающих атрибутивные отношения в различных языках; 2) влияние порядка слов «прил. + сущ.»/ «сущ. + прил.» на лексико-семантический статус анализируемых сочетаний; 3) эквивалентность перевода в языках различных типов и отражение в двуязычных словарях устойчивых сочетаний «прил. + сущ.»; 4) необходимость фиксации и описания так называемых свободных словосочетаний в лексикографических источниках. В диссертации подробно охарактеризованы эти и некоторые другие особенности изучения конструкции «прил. + сущ.» с привлечением для сравнительно-сопоставительного анализа материалов русского, английского, немецкого и французского языков. В заключение делается вывод о перспективах сравнительно-сопоставительных исследований национально-культурной специфики атрибутивных сочетаний. Во-первых, они позволили сместить фокус рассмотрения анализируемых конструкций из монологической в *полиязыковую сферу*. Во-вторых, такой подход определил возможность выхода работ по сочетаемости существительных с прилагательными за рамки лингвистики в *поликультурную область*. В-третьих, посредством практического анализа большого по объему языкового материала был очерчен круг проблем по уточнению структурно-грамматических и лексико-семантических признаков конструкции «прил. + сущ.», и тем самым поставлены некоторые онтологические вопросы, решение которых стало возможным благодаря привлечению более новых аспектов исследования языка.

§4 «ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЧЕТАНИЙ «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ» содержит обоснование некоторых релевантных для современной лингвокультурологии понятий и терминов,

необходимых для последующего изложения (*лингвокультурология, лингвострановедение, концепт, культурный концепт, национально-культурная составляющая семантики языковых единиц, прецедентные феномены: имена, тексты, высказывания и нек.др.*). Лингвокультурологические работы, так или иначе посвященные сочетаниям «прил. + сущ.», обращают на себя внимание тем, что они фиксируют *лингвокультурологическую уникальность* анализируемых единиц, способных либо репрезентировать собой лингвокультурные концепты, либо являться компонентами других концептов. Некоторые из этих сочетаний хранятся в индивидуальном и коллективном языковом сознании в целостном виде, и поэтому только в единстве прилагательного и существительного возможна правильная интерпретация создаваемого и воспроизводимого образа. Так, на материале русского языка подобные единицы зафиксированы в словаре Ю.С.Степанова «Константы: словарь русской культуры» (ср., напр.: *родная земля, ментальные миры, тайная власть, гражданское общество, харизматическая личность*), в словаре «Русское культурное пространство» (ср.: прецедентные имена - *волшебная палочка, гадкий утенок, живая вода, золотая рыбка*; прецедентные тексты – *«Аленький цветочек», «Золотой ключик», «Красная шапочка»*) и в ряде специальных работ, посвященных исследованию концептов, реализованных сочетаниями «прил. + сущ.» (ср.: единицы типа *здравый смысл, вражеский заговор* (Карасик 2005), *трудовая деятельность* (Токарев 2000), *белая ворона* (Егорова 2000; Попова, Стернин 2001), *туманное утро, зимняя ночь* (Маслова 2005) и др.). В диссертации подробно описаны так называемые социокультурные конструкты (термин Н.Г.Брагиной), созданные на основе сочетаний «прил. + сущ.». В заключение делается вывод о том, что представленный, например, на материале русского языка и русской культуры анализ дает основание предположить, что атрибутивные сочетания занимают заметное место в русской концептосфере современного человека и в русском культурном пространстве, ядром которого является *национальная когнитивная база*, понимаемая, вслед за авторами словаря «Русское культурное пространство», как «...совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингво-культурного сообщества» (РКП 2004).

Подробное обращение к истории изучения атрибутивных сочетаний во второй главе настоящей работы основано на тезисе о том, что любое когнитивное исследование междисциплинарно и требует привлечения данных не только собственно лингвистических исследований, но и результатов смежных наук.

В *третьей главе* «Гетерогенные и гетерохронные особенности сочетаний «прилагательное + существительное» определены некоторые новые особенности конструкции «прил. + сущ.» как уникальной категории с размытыми границами, обладающей особым, *промежуточным статусом*, связанным с формальной *расчлененностью* состава и одновременной *холистичностью* значения. Особое внимание обращено на

функционирование сочетаний «прил. + сущ.» в современном дискурсе начала XXI века.

В §1 «ВОПРОС О ПЕРЕХОДНОМ СТАТУСЕ СОЧЕТАНИЙ «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ» отмечается, что переходные синтаксические единицы уже являлись предметом исследования в ряде лингвистических работ, в основном касающихся сочетаний «глагол + (абстрактное) существительное» (ср.: описательные фразеологические обороты (Виноградов 1982), аналитические лексические коллокации (Телия 1996), описательные глагольно-именные обороты (Лекант 1969; Лагузова 2003) и др.). Особенность таких сочетаний сводится к тому, что, с одной стороны, они отличаются аналитизмом, а с другой – характеризуются расчлененностью состава, что дает основание квалифицировать их как единицы, занимающие промежуточное место в языковой системе.

В реферируемой диссертации доказывается, что такой же переходный статус имеют и сочетания «прил. + сущ.», т.к., с одной стороны, представляют собой подчинительные словосочетания, характеризующиеся *расчлененностью состава*. С другой стороны, они имеют тенденцию к *аналитизму*, которая может быть объяснена исторически: происхождением существительного и прилагательного из одного синкретичного (диффузного, синтезированного) имени. В ряде языков этот аналитизм проявляет себя в частотности выражения атрибутивных отношений посредством композитов (ср.: англ. *top-quality*, *holiday-makers*, нем. *Kindergarten*, *Blitzkrieg*). В современной лингвистике атрибутивная связь признается одним из наиболее тесных видов связи, при котором «два члена максимально сливаются, т.е. представляют собой целостную единицу внутри предложения» (Смирницкий 1957) и «образуют единый комплекс, входящий в предложение как целое» (Ахманова 2003). Анализ сочетаний существительных с прилагательными на материале русского языка обнаружил их промежуточный характер в том плане, что большинство сочетаний «прил. + сущ.» не принадлежат ни к полностью свободным, ни к абсолютно несвободным сочетаниям и располагаются в некоторой *промежуточной* сфере. Так, они неоднородно представлены в ряду *фразеологических единиц*: анализируемые комбинации не выступают в качестве фразеологических сращений, довольно редки как фразеологические единства, однако составляют основу фразеологических сочетаний и фразеологических выражений, в которых, как известно, компоненты не характеризуются абсолютной слитностью, тяготеют к самостоятельности, сохраняя собственные лексические значения и живые семантико-синтаксические связи. Вместе с тем, фразеологические единицы, построенные по модели «прил. + сущ.», фактически не подвергаются опущению составляющих единиц (ср.: *белая ворона*, *стреляный воробей*, *тертый калач*), так как эллипсис одного из компонентов приводит к исчезновению фразеологизмов. С другой стороны, не так частотны и *свободные словосочетания*, построенные по модели «прил. + сущ.»: многие сочетания хранятся в языковом сознании говорящего в целостном виде и используются как единый номинативный знак, отличающийся цельностью и

нерасчлененностью значения. При этом семантико-синтаксические связи компонентов остаются живыми (ср.: *русские газеты – русский характер, осенняя погода – осенний марафон*). Проведенный анализ подтверждает тезис А.А.Шахматова о том, что «сочетание определяемого слова с определением во многих случаях стремится составить одно предложение; но большей частью оба члена сочетания, благодаря, конечно, их ассоциации с соответствующими словами вне данных сочетаний, сохраняют свою самостоятельность» (Шахматов 1941).

Одним из свидетельств гетерогенности сочетаний «прил. + сущ.» является тот факт, что в лингвистике создано большое количество разнообразных классификаций атрибутивных сочетаний, подробный обзор которых представлен в §2. В диссертации проанализированы ОБЩИЕ классификации словосочетаний в целом (Ш.Балли, В.Г.Гак, С.И.Ожегов, Ф.Ф.Фортунатов) и фразеологических единиц в частности (В.В.Виноградов, В.П.Жуков, Б.А.Ларин, А.И.Молотков, Н.М. Шанский). Указанные классификации имеют непосредственное отношение к конструкции «прил. + сущ.» и выявляют место анализируемых единиц среди других сочетаний слов. Особое внимание обращено на СПЕЦИАЛЬНЫЕ классификации, которые подразделяются на две группы: 1) структурно-семантические, или функциональные, классификации, позволяющие определить значение сочетаний «прил. + сущ.», исходя из семантики и функций входящих компонентов (Айдынов 1969; Арутюнова 1999; Ахманова 1957; Вольф 1978; Нгуен Дык Тинь 1981; Сандакова 1996; Соколовская 1979; Шрамм 1979; Bhat 1994; Bolinger 1967; Dixon 1977, 1991; Wierzbicka 1990 и мн. др.), и 2) композиционно-семантические (Звегинцев 2001; Кубрякова 2004; Лаенко 2005; Никитин 1975, 1983, 1988; Рахилина 2000), в основу которых положены принципы определения общего значения конструкций исходя из семантики составляющих компонентов. Анализ классификаций подтвердил тезис о том, что сочетания «прил. + сущ.» имеют переходный статус и, при всей кажущейся, на первый взгляд, простоте, представляют собой сложные, не до конца изученные единицы, функционирующие в *промежуточной зоне сочетаемости лексем и интеграции смыслов*.

Простые с точки зрения формы, конструкции «прил. + сущ.» иллюстрируют собой крайне *гетерогенный* пласт лексики, разнородный как по своему составу, так и по происхождению. Вместе с тем, сочетания существительных с прилагательными довольно часто соответствуют «веяниям времени» и могут являться показателем определенного хронологического отрезка и этапа в социально-экономической и общественно-культурной жизни общества. Для иллюстрации *гетерохронности* сочетаний, построенных по модели «прил. + сущ.», в §3 описаны некоторые новые синтагматические тенденции в сочетаемости существительных с прилагательными. Так, на СИНТАКСИЧЕСКОМ уровне наблюдается все более активно входящая в обиход, начиная примерно с 50-х годов XX века, тенденция согласования «не по форме, а по смыслу» (Щерба 2004). Регулярное употребление уже не только в разговорной речи, но и в

средствах массовой информации сочетаний типа *молодая врач, опытная секретарь, талантливая бухгалтер, добрая завуч* объясняется, по мысли Н.С.Валгиной, воздействием внешнего социального «толчка» (переходом ряда профессий из ранга мужских в статус женских), а также «эластичностью» современной нормы. В сфере СЛОВООБРАЗОВАНИЯ наиболее ярко проявляется тенденция *свертывания наименований* (первоначальных сочетаний «прил. + сущ.») как результат активного в настоящее время семантико-синтаксического способа словообразования (*маршрутка, персоналка* (от *персональный компьютер*), *наличка, читалка, курсовик*), а также различного рода усечения словосочетаний (*крими – криминальный роман/ фильм/ детектив; докладная, запасной; сисадмин, маскульт, технопарк*) и аббревиация (*СП, ПК, СД, ЦБ РФ, ПО-материалы, ИК-излучение, СВЧ-печь*). Среди наиболее ярких процессов в ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ сфере следует отметить приводящее к образованию новых значений расширение сочетаемости слов (*деликатная стирка/ формула; клубная культура/ женщина; революционные скидки/ цены* и др.); возникновение новых значений у известных атрибутивных сочетаний (*почтовый ящик* (в информатике)); смену оценочной доминанты многих частотных сочетаний социалистической эпохи (*мудрый вождь, пролетарский гуманизм*); уход в пассив одних и возвращение в активный обиход других единиц (*коммунистическое воспитание, комсомольский вожак* и *Государственная Дума, дворянское собрание*); массовое вхождение заимствований и создание на их основе новых сочетаний (*официальный сайт/ дилер/ дистрибьютор, модный клипмейкер/ DJ и ди-джеи*), а также появление композитов, не свойственных русскому языку ранее (*профи-клуб, промо-тур, реалити-шоу, флэш-карта*) и др. В целом же, следует признать, что функционирование в русском языке начала XXI века атрибутивных сочетаний подчиняется общим закономерностям развития современного языка, среди которых наиболее последовательно выделяется, с одной стороны, *демократизация* языка, а с другой стороны - все ярче проявляющаяся в последнее время *интеллектуализация* социально-политических и языковых процессов.

Гетерогенный и гетерохронный характер конструкции «прил. + сущ.» иллюстрируется в §4 «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО «ОКРУЖЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЧЕТАНИЙ «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ» на примере появившихся в течение последнего десятилетия сочетаний существительных с прилагательными. Анализ и систематизация собранного языкового материала свидетельствует о том, что в настоящее время происходит значительное расширение сочетаемостных возможностей (языковых единиц), зафиксированных в известных словарях сочетаемости. Детальному разбору в диссертации подвергаются комбинации существительных с прилагательным '*русский*' и сочетания существительных '*мужчина*' и '*женщина*' с атрибутивными распространителями. Выясняется, что появившиеся единицы иллюстрируют собой смену некоторых ценностных коннотаций, свойственных ранее сочетаниям подобного типа.

Ср.: *русский Иван, русский медведь, русский мат, русский шансон*. Кроме того, проведенное наблюдение позволяет говорить о девальвации ценностной коннотации прилагательного 'русский' за счет неуместного использования подобных номинаций в качестве модных брендов: «*Русский стандарт*» и «*Русский размер*» (название водки), «*Русская тройка*» (название сигарет) и др. Определениями при существительных 'мужчина' и 'женщина' оказываются, в большинстве своем, прилагательные, не зафиксированные в лексикографических источниках как наиболее типичные атрибуты для этих существительных. Ср., напр.: *современная/ деловая/ сильная/ активная/ домашняя/ доступная/ легкая/ опытная/ сексуальная/ холодная* и под. *женщина* и *успешный/ самодостаточный/ полноценный/ настоящий/ клубный* и под. *мужчина*. На основании сравнительно-сопоставительных данных лингвокультурологического анализа концептов 'женщина' и 'мужчина' (Рахилина 2000; Телия 1996) делается вывод о появлении новых отличительных признаков концептов 'мужчина' и 'женщина' и об изменении парадигмы современного мужского и женского идеала в настоящих социокультурных условиях.

В диссертации также устанавливается роль сочетаний «прил. + сущ.» как единиц номинации в различных типах дискурсов. Так, в сфере литературного дискурса, заметно повлиявшего на формирование культурных стереотипов русского человека, среди названий известных литературных произведений насчитывается более 100 сочетаний «прил. + сущ.», что объясняется промежуточным статусом анализируемых конструкций: с одной стороны, они представляют собой комбинацию двух полноценных единиц, с другой же стороны, имеют тенденцию к аналитизму в силу диффузности общих значений сочетаний, складывающихся из семантики отдельных компонентов. Смена парадигмы типов дискурсов, оказывающих сильное влияние на формирование культурного стереотипа в XXI веке, с литературного, исторического и социально-политического на телевизионный и мультимедийный, не сказалась на употреблении сочетаний «прил. + сущ.». в качестве единиц номинаций. Атрибутивные сочетания очень активно используются в современном русском языке в разных сферах: как наименования новых реалий действительности (*европейский союз, персональный компьютер, пластиковая карта, гражданский брак* и др.), как названия теле- и радиопередач, кинофильмов, мультипликационных фильмов, произведений художественной литературы и под.; ср.: «*Народный артист*», «*Женский взгляд*», «*Турецкий гамбит*», «*Дневной дозор*», «*Ледниковый период*» и др.; в рекламах и слоганах, ср.: «*Чистая свежесть. Яркий вкус*» (реклама «Dirol»); «*Отличный вкус. Отличное начало*» (реклама «Nescafe») - и даже применяются в качестве элементов языковой игры, ср.: «*Проскочив на красный свет, можно попрощаться с белым*» (предупреждение от ГИБДД). Такое активное использование атрибутивных сочетаний объясняется тем, что они удовлетворяют требованиям одновременной точности, лаконичности и экономичности, предъявляемым современным пользователем языка к единицам номинации.

Четвертая глава «Лингвокогнитивное направление как ключ к исследованию современных сочетаний «прилагательное + существительное» содержит теоретико-методологическое обоснование привлечения лингвокогнитивного подхода к анализу конструкции «прил. + сущ.». Когнитивно-семантический и когнитивно-композиционный ракурсы исследования позволили создать так называемую *шкалу композиционной семантики* атрибутивных сочетаний и определить место каждой из групп изучаемых комбинаций на анализируемой шкале. Ключом к пониманию настоящей главы служат слова Дж. Лакоффа о том, что «... в человеческой концептуальной и языковой системе большинство сущностей являются мотивированными в некоторой степени и *в различных отношениях*. Мотивация является центральным феноменом познания». Понятие мотивированности единицы не совпадает с понятием предсказуемости ее значения. Последнее основано на выводимости семантики целого из семантики составляющих его частей. Сконструированная единица может быть одновременно и мотивированной (т.е. обоснованной значениями своих составляющих), и несводимой полностью к сумме значений этих составляющих, а потому в целом и *непредсказуемой*. В итоге, единица номинации может одновременно являться и мотивированной, и непредсказуемой, и этот парадокс решается только при ее анализе с когнитивных и культурологических позиций, при обращении к знаниям о мире, т.е. при рассмотрении этой единицы по ее месту в когнитивно-культурологическом пространстве данного языка.

В §1 «КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ЕГО ОСНОВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ» выделены релевантные для предпринятой работы исследования сочетаний «прил. + сущ.», описанные с когнитивно-семантических позиций.

СЕМАНТИКО-СУБКТЕГОРИЗУЮЩИЙ аспект позволяет ответить на достаточно сложный вопрос о необходимости и целесообразности появления при существительном атрибутивного распространителя. Основной функцией таких определений является субкатегоризация центрального/ сегментного/ радиального концепта (*суррогатная/ приемная/ биологическая/ донорская мать* (Лакофф 2004); *политическая/ научная/ педагогическая/ административная/ спортивная/ религиозная толерантность* (Попова, Стернин 2001); *сидячая/ лежащая забастовка* (Бабушкин 2000) и др.). В результате подобных исследований выводится следующая закономерность: существительное не нуждается в определении, если обозначает в настоящий момент центральную субкатегорию; если же модель отличается от кластера или, более того, противоречит ей, то в этом случае необходим вариант в виде расширения радиальной категории.

Исследования в русле СЕМАНТИКО-ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО аспекта (Болдырев 2005; Вендлер 1981; Демьянков 2005; Кубрякова 2004; Рахилина 2000; Ченки 1996 и др.) сконцентрированы на изучении особенностей сочетаемости различных типов существительных с разнообразными группами прилагательных и анализе значения этих сочетаний. Данные

работы основываются на одном из известных общекогнитивных правил, согласно которому, по Дж. Лакоффу, «конкретные случаи всегда являются более значимыми, чем общие» (Лакофф 2004). Изучение, по возможности, каждого такого *конкретного случая*, позволяющего сделать серьезные обобщения, и является основной задачей данных исследований.

МОДЕЛЬНО-КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ, или ФРЕЙМОВО-КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ, ракурс изучения сочетаний «прил. + сущ.» (Болдырев 2004; Лакофф 2004; Филлмор 1988; Austin 1961 и др.) позволяет выявить ряд категорий и когнитивных моделей, оказывающих влияние на сочетаемость существительных с прилагательными (и наоборот) и помогающих определить конкретное значение того или иного слова в определенном контексте. Данный подход исходит из того, что полное понимание некоторых слов становится возможным только в результате привлечения нескольких когнитивных контекстов – разного рода типов сочетаемостных, словообразовательных фреймов, фреймов классов слов, коммуникативных ситуаций, текстов и их различных типов, т.е. определенных классификационных моделей, отражающих принципы организации языковой системы. Эти модели в большинстве своем могут быть созданы в языке именно посредством присоединения к существительному определенного прилагательного (ср., напр.: классификация отелей (типа *первый класс*), маркировка размеров или упаковок (*large, jumbo, economy, giant*) и др.) (Филлмор 1988).

КОННОТАТИВНО-АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ подход выявляет особенности восприятия тех или иных сочетаний «прил. + сущ.» в зависимости от отношения конкретных людей в определенную историческую эпоху в некотором социокультурном пространстве (ср. разного рода маркированность сочетаний типа *дамская диссертация, спортивная злость, здоровый национализм* (Карасик 2002)).

Одним из особенных аспектов следует считать КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОР, так как среди метафор конструкции «прил. + сущ.» занимают весомое место. Не отказываясь от того, что уже было создано в сфере теории метафоры, современные когнитологи рассматривают метафору как основную ментальную операцию, способ познания, концептуализации и категоризации мира и исследуют ее с учетом взаимоотношений между языком, мышлением и коммуникацией (Баранов, Караулов 1994; Баранов 2004; Кобозева 2001; Кубрякова 2004; Лагута 2003; Лакофф, Джонсон 2004; МакКормак 1990; Чудинов 2003; Lakoff 1991; Landtsheer 1991 и мн. др.).

§2 «ВВЕДЕНИЕ В КОМПОЗИЦИОННУЮ СЕМАНТИКУ. ПРОБЛЕМЫ КОМПОЗИЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ В СФЕРЕ СОЧЕТАНИЙ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ» содержит подробный анализ теории композиционности, разрабатывающейся на всех уровнях языка: в лексико-семантической сфере (Апресян 1967, 1974, 1995; Баранов, Добровольский, Михайлов 1997; Баранов 2003; Богуславский 1996; Вейнрейх 1981; Кобрина 2005; Кубрякова 2004, 2004а; Лакофф 2004; Никитин 1983, 1988, 2004 и

мн.др.), в области словообразования (Кубрякова 2002, 2004 и др.), морфологии (Мельчук 1997 и др.) и синтаксиса (Падучева 2004), - и выходящей в сферу теории концептуальной интеграции («слияния», «смешения») ментальных пространств и различных когнитивных образований (Fauconnier 1994, 1997; Fauconnier, Turner 2002; Coulson 1996; Sweetser 1999; Ирисханова 2004 и др.). Здесь же описаны основные когнитивно-композиционные исследования сочетаний «прил. + сущ.», среди которых выделяются три направления. Согласно хронологически первому направлению, в центре рассмотрения находится комбинаторика *метафор* и *метафорических моделей*, репрезентируемых сочетаниями «прил. + сущ.» (Баранов 2003; Лакофф, Джонсон 2004; Чудинов 2004; Kamp, Partee 1995; Taylor 1992 и др.). Представители условно выделенного второго направления исследуют «привычную» и «непривычную» композиционность и случаи возможной/ невозможной реализации той или иной комбинаторики (Лакофф 2004; Кобрина 2005; Никитин 1988, 2004 и др.). Наиболее сложным оказывается третье направление, выявляющее комбинаторику смыслов в кажущихся обычными и простыми, на первый взгляд, сочетаниях прилагательных с существительными, которые при детальном рассмотрении далеко не тривиальны. Согласно мнению Е.С.Кубряковой, композиционная семантика конструкций «прил. + сущ.» «фактически не подчиняется правилу Фреге и не сводится к сумме значений ее частей», оказываясь «зачастую причудливой и своеобразной» (Кубрякова 2004а).

§3 «МЕСТО РАЗНЫХ ТИПОВ СОЧЕТАНИЙ «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ» НА ШКАЛЕ КОМПОЗИЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ» основывается на следующем тезисе: лексическая сочетаемость единиц, объединяемых в рамках на первый взгляд одинаковых конструкций, может приводить (и в действительности приводит) к разным семантическим последствиям. Эти результаты зависят, в свою очередь, не столько от лексических значений слов, входящих в словосочетание, сколько от *концептуального* взаимодействия и взаимовлияния элементов конструкции. В данном параграфе представлена шкала композиционной семантики промежуточных типов сочетаний «прил. + сущ.». Идея построения шкалы переходности не является новой для отечественного языкознания (ср.: шкала переходности В.В.Бабайцевой, шкала атрибутивной валентности субстантивов В.И.Фурашова, шкала фразеологической переходности А.В.Жукова и др.). Вместе с тем, в основание предлагаемой шкалы в реферируемой диссертации положен когнитивно-композиционный принцип интеграции смыслов: шкала построена в зависимости от степени выводимости/ невыводимости композиционной семантики из суммы значений составляющих частей.

На одном полюсе находятся **ВЫВОДИМЫЕ**, построенные по принципу сложения смыслов единицы, которые традиционно называют свободными словосочетаниями (*осенний лист, деревянный стол, пластмассовая ручка*), а на другом – полностью идиоматичные и абсолютно немотивированные единицы, характеризующиеся **НЕВЫВОДИМОСТЬЮ** значений целого из

суммы значений составляющих частей (традиционные фразеологические единицы). Между ними находится большой пласт промежуточных единиц с разной степенью несвободы. Среди таких промежуточных типов выделяются КОМПОЗИЦИОННЫЕ и ДЕКОМПОЗИЦИОННЫЕ сочетания.

Под **ДЕКОМПОЗИЦИОННЫМИ** понимаются сочетания, композиционная семантика которых требует декомпозиции семантических структур и которые связаны с концептом 'отрицания'. Сюда относятся:

1) наиболее близко стоящие к невыводимым единицам (ср. фразеологические единства типа *белая ворона, третий калач, стреляный воробей*) **модификационные** сочетания (отец - *святой* отец, радио - *сарфанное* радио и др.), в которых при появлении прилагательного создается модифицированный смысл, не угадывающийся из семантики составляющих слов;

2) сочетания **имитирующего** типа, где появившееся определение вообще лишает существительное его первичного значения и приводит к отрицанию самого объекта (*пластмассовая роза, деревянная лошадь, хрустальная елка*). Д.Питт и Дж.Катц назвали сочетания подобного рода «композиционными идиомами» (compositional idioms) на том основании, что они, с одной стороны, идиоматичны, а с другой – оксюморонны, и вследствие этого представляют собой промежуточные единицы между стандартными идиомами и чисто композиционными выражениями (Pitt, Katz 2000);

3) единицы **оксюморонного** типа (*мертвые души, живой труп; абстрактный труд, формальное образование*), в которых оксюморонная интеграция перекомбинирует суммарное содержание взаимодействующих логически несовместимых концептов по двум новым концептам, промежуточным между двумя новыми полюсами (Никитин 2004);

4) сочетания **аннулирующего** типа (*бывший президент, прежний муж, тогдашняя жена*), куда в качестве компонента входят, главным образом, относительные прилагательные, среди которых наиболее распространены *темпоральные* прилагательные (*бывший, тогдашний, недавний, прежний, теперешний, временный, будущий*), сочетающиеся чаще всего с релятивными существительными (*начальник, шеф, мать* и др.);

5) сочетания так называемого «**фальсифицирующего**» типа, описывающие не столько имитацию объекта, сколько его *фальсификацию, подделку*, т.е. нечто, связанное с нарочитым обманом (*фальшивые деньги, искусственная улыбка, мнимая болезнь*).

Значения декомпозиционных сочетаний не выводимы из суммы значений составляющих частей, но мотивированы ими. Такого рода конструкции являются потенциальными устойчивыми структурами в силу своей семантической уникальности и единичности.

КОМПОЗИЦИОННЫЕ сочетания существительных с прилагательными делятся на две группы: а) композиционно свободные, лингвистически несвободные; б) композиционно несвободные, лингвистически свободные.

Сочетания первой группы - **композиционно свободные, лингвистически несвободные** (конвенционально зафиксированные, референтно-ограниченные

и под.) - подробно исследованы в лингвистической литературе. Случаи типа *карие глаза* и *кауряя лошадь*, *каштановые волосы*, *серые глаза* и *седые волосы*, а также *закадычный друг*, *проселочная дорога* и под. выявлены на материале различных языков, детально описаны в сравнительно-сопоставительном аспекте и в большинстве своем зафиксированы в лексикографических источниках. С точки зрения композиционной семантики такие единицы не представляют особого интереса, так как характеризуют наличие четко закрепленной сочетаемости конкретных существительных с прилагательными в конкретном языке, и, следовательно, в их основе лежит *знание* конкретного языка. Принципиально отличаются от них единицы другого типа – лингвистически свободные, композиционно несвободные, особенности «несвободы» которых предопределены *знаниями о мире*.

Композиционно несвободные, лингвистически свободные сочетания существительных с прилагательными (**атрибутивно-субстантивные комплексы**) весьма многоплановы и включают следующие группы:

1) **традиционно-эпитетные**, известные в лингвистических и литературоведческих источниках как постоянные эпитеты (устойчивые синтагмы-формулы, устойчивые атрибуты и др.), которые характеризуются постоянством и ограниченностью и являются «строительным материалом» древнерусского текста (*добрый молодец*, *красное солнышко*, *серый волк*, *синее море*, *буйный ветер*). Композиционная семантика таких единиц может быть выведена из суммы значений составляющих компонентов на том основании, что устойчивость и постоянство подобных эпитетов во многом обусловлены сенсомоторными и экзистенциальными признаками определяемых существительных (*волк - серый*, *море - синее*, *горе - горькое*, *солнце - красное* и др.);

2) **экзистенциально-перцептивные** сочетания (*мягкая подушка*, *громкая музыка*, *жирные щи*, *кислое яблоко*), связанные с сенсомоторными и перцептивными признаками и довольно часто закрепляющие прототипические характеристики сущностей. Значения таких сочетаний выводятся на основе знаний, полученных при непосредственном восприятии объектов окружающего мира органами чувств - осязания, зрения, слуха, обоняния, вкуса. Особенность семантики данных единиц состоит в том, что в них репрезентированы образы перцептивных признаков самих объектов (Лаенко 2005);

3) **стандартизированные**, или **ассоциативно обусловленные** сочетания совмещают в себе черты, с одной стороны, экзистенциально-перцептивных, а с другой - стереотипных сочетаний, так как они первоначально субкатегоризируют сущности, а затем закрепляют их прототипические характеристики (ср.: *алая кровь*, *вечерний звон*, *золотая осень*, *русское поле*, *темный лес* и др.). Композиционная семантика таких единиц во многом выводима из значений составляющих компонентов, однако при этом в сознании ряда носителей языка присутствует латентный смысл, обусловленный определенными знаниями о мире и особенностями восприятия этого мира;

4) **клишированные** сочетания (*благое дело, взаимовыгодное сотрудничество, глубокая благодарность, горячая поддержка, ответный визит, широкий ассортимент*), композиционная семантика которых может быть выведена из значений составляющих компонентов, однако в этом нет необходимости, так как смысл подобных единиц во многих случаях становится стертым, шаблонным и не представляет интереса ни для говорящих, ни для слушающих;

5) **этикетные** сочетания (*дорогая мама, глубокоуважаемый коллега, милый друг*), в которых определения превратились в своего рода постоянные эпитеты и являются штампами речевого этикета. Композиционная семантика этих единиц может быть выведена из суммы значений составляющих компонентов, однако необходимости в этом нет. В ряде случаев такие сочетания, имеющие преимущественно мелиоративную окраску, могут употребляться в переносном, ироническом смысле: *Иди сюда и послушай, что надумал твой дорогой папочка!*;

6) сочетания **номинирующего типа**, составляющие весьма многочисленную группу. Они могут обозначать географические названия (*Северная Америка*); названия административно-территориальных единиц (*Западная Украина*); названия улиц, переулков и др. (*Красная площадь*); астрономические названия (*Солнечная система*); названия организаций, политических партий, учреждений, предприятий, фирм (*Государственная дума*); названия исторических эпох и событий, календарных периодов и праздников (*Парижская коммуна, Новый год*); названия видов и сортов растений, фруктов (*красная смородина, анютины глазки*); названия животных и насекомых (*голубой пестец, божья коровка*) и т.д. Весомую часть номинирующих сочетаний составляют термины. В последние десятилетия номинирующие сочетания стали активно пополняться за счет единиц, обозначающих те или иные артефакты современной цивилизации. В настоящее время особенно выделяются своей новизной следующие сочетания: а) обозначающие элементы современного интерьера и так называемого евродизайна (*натяжные/ подвесные потолки, пластиковые/ деревянные/ вертикальные окна*); б) характеризующие различные средства, направленные на улучшение внешнего вида и способствующие созданию полноценного имиджа современного человека (*классический/ обрезной/ японский/ аппаратный маникюр*); в) имеющие отношение к торговле (*торговая марка, официальный дилер*) и субкатегоризирующие еду (*царицынская/ черкизовская/ егорьевская (по производителю); копченая/ сырокопченая/ вареная (по способу приготовления); «Докторская»/ «Любительская»/ «Стародворская» (по названию) колбаса*); г) обозначающие современные средства связи, оргтехнику, производственные марки и предметы быта (*мобильный телефон, матричный/ лазерный/ струйный принтер, кухонный комбайн, микроволновая печь, комнатный кондиционер*). Место таких единиц на шкале композиционной семантики определить довольно трудно, т.к., с одной стороны, значения сочетаний, в принципе, выводимы из значений составляющих компонентов, с другой же

стороны, они (прилагательное и существительное) настолько тесно связаны между собой, что этот факт не дает возможности поставить такие комбинации рядом со свободными сочетаниями слов;

7) **стереотипные** сочетания, которые в зависимости от основания для субкатегоризации делятся на следующие группы: а) национально маркированные, субкатегоризирующие предметные сущности, артефакты культуры (*итальянская пицца, китайский фарфор*) и национальные свойства (*немецкий порядок, французская галантность*); б) регионально маркированные (ср. в пределах России: *оренбургский платок, тульский пряник, вологодское масло, ивановский текстиль*); в) гендерно маркированные (*дамские/ женские капризы, мужская гордость, девичья скромность*); г) обусловленные возрастными особенностями (*старческий маразм, детский лепет, ребячьи игры*); д) социально и профессионально маркированные (*барские замашки, профессорская забывчивость, офицерская честь*); е) релятивно маркированные (*материнская любовь, дружеская помощь*). Композиционная семантика данных сочетаний не просто выводится из суммы значений входящих в них компонентов, но характеризуется «имплицитными приращениями смысла сверх словарных значений сочетающихся имен» (Никитин 1988). Эти имплицитные смыслы обусловлены исключительно фоновыми знаниями индивидов - носителей конкретных языков и характеризуются определенной устойчивостью во внеязыковой сфере;

8) **культурологически маркированные** сочетания, квалифицирующиеся в зависимости от выделяемых в лингвистической литературе типов дискурсов. Наиболее серьезное влияние на формирование культурологически маркированных сочетаний оказали следующие типы дискурсов: литературный (*обыкновенная история, молодая гвардия, железный поток, алые паруса* и др.), религиозный (*райская жизнь, демонический хохот, дьявольская усмешка*), мифологический (*авгиевы конюшни, геркулесовы столпы, нарциссова самовлюбленность, соломоново решение*), а также дискурсы, маркирующие современную «массовую культуру»: песенный (*великолепная пятерка, настоящий полковник*), кинематографический (*служебный роман, осенний марафон*). В основе таких сочетаний лежат разные культурологические моменты в структуре знаний отдельного индивида и группы индивидов. Имплицитный надсмысл, заложенный в подобных конструкциях, обусловлен исключительно культурологическими знаниями носителей языка;

9) **исторически обусловленные**, или **хронологически маркированные**, сочетания, имплицитный смысл которых связан с «языковым вкусом эпохи» (Костомаров 1999) (ср.: *империалистическая пропаганда, капиталистическая эксплуатация, коммунистическая мораль, советский человек; антиалкогольная политика, антиперестроечные силы, антирыночный характер, венчурный фонд, новое мышление; европейский союз, шенгенская виза, оранжевая революция, дисконтная карта*). Композиционная семантика таких единиц, в принципе, выводима. Однако

большинство сочетаний так или иначе имеют имплицитный смысл, обусловленный определенными знаниями исторического дискурса (социально-политического и общественно-значимого культурного фона).

10) Достаточно сложно определить место **дискурсивных** сочетаний, которые могут быть ясны исключительно из контекста и определяются знаниями индивида. Композиционная семантика этих комбинаций существительных с прилагательными крайне сложна. С одной стороны, они похожи на *номинативные сочетания*, т.к. могут выделять предмет из ряда однородных, давая определенное идентифицирующее название. С другой стороны, некоторые из них близки к *традиционно-эпитетным*, т.к. довольно часто именно этот признак становится постоянным при определении того или иного объекта, персонажа и др. В ряде случаев они даже сродни *декомпозиционным* сочетаниям, т.к. их семантика может быть практически невыводима из суммы значений составляющих компонентов.

11) Наиболее близко к декомпозиционным находятся **перифрастические** (*голубое золото = газ, черное золото = нефть/ уголь, белое золото = хлопок, жидкое золото = нефть, северная столица = Санкт-Петербург*) и **эвфемистические** сочетания (*деловая информация, полезная информация = реклама; неуставные отношения = дедовщина; нетрудовые доходы = воровство; бытовая неустроенность = бедность, отсутствие жилья; супружеский долг = интимные отношения в браке*), которые отличаются особым механизмом производства и воспроизводства (ср.: выделение - деструктурирование - интегрирование). Степень выводимости составляющих компонентов в данных единицах не является релевантной. В ряде случаев такие сочетания оказываются недостаточно выводимыми.

В заключение делается вывод о том, что в связи с отмеченными современными когнитологами «усложнениями современной жизни» представленная шкала композиционной семантики может быть расширена и применена к анализу промежуточных единиц на материале других языков.

Далее в диссертации показано, как одно и то же существительное или прилагательное, демонстрируя разные виды сочетаемости, может «порождать» разное количество комбинаций, относящихся к большинству перечисленных групп. Этот тезис иллюстрируется на примере прилагательных-цветообозначений.

В пятой главе «**Определение конструкции «прилагательное + существительное» с лингвокогнитивных позиций**» исследуются синтагматические возможности и предпринимаются попытки типологизации различных групп сочетаний «прил. + сущ.», среди которых ведущее место занимают *атрибутивно-субстантивные комплексы* как особые структуры знания и единицы номинации. Выявляются основные закономерности функционирования атрибутивно-субстантивных комплексов в речи носителей русского языка в начале XXI века. Кроме того, ставится вопрос о роли сочетаний «прил. + сущ.» в формировании когнитивного стиля современной языковой личности.

В §1 «РОЛЬ АТРИБУТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ НАЧАЛА XXI ВЕКА» подробно освещены основные подходы к определению когнитивного стиля в психологической, психолингвистической и лингвистической литературе и обращено внимание на то, что в когнитивной лингвистике это понятие используется в широком и узком смысле (Дейк 1989; Демьянков 1994; КСКТ 1996; Стиль человека 1998; Холодная 1996, 2002; Шкуратова 1994, 1997; Witkin, Goodenough 1982 и др.). В диссертации принимается за основу широкое понимание когнитивного стиля как «предпочитаемого подхода к решению проблемы, характеризующего человека относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, не вне зависимости от интеллектуального уровня индивида, его компетенции» (Демьянков 1994). Целью данного параграфа является попытка установления отличительных черт когнитивного стиля современной языковой личности на материале использования сочетаний «прил. + сущ.», являющихся своеобразными языковыми и речевыми маркерами как отдельно взятой языковой личности, так и определенных социальных, возрастных, профессиональных и иных групп носителей современного русского языка.

Роль конструкции «прил. + сущ.» в концептуализации и категоризации опыта современного человека исключительна. Она состоит в том, что, отходя от простых аналитических свободных дескрипций в актах дискурсивной деятельности, человек переходит ко все более сложным структурам знания и оценки. Важной тенденцией современной неологии является стремление к далеко не просто протекающей субкатегоризации выделяемых объектов и к все большей их детализации.

Сочетания «прил. + сущ.» в работе предлагается разделить на три типа: УЗУАЛЬНЫЕ, ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ и НЕНОРМАТИВНЫЕ. Сочетания, относящиеся к узуальным, широко и активно используются в настоящее время в речи носителей русского языка, они понятны и в большинстве своем общедоступны. Окказиональные сочетания являются единичными и индивидуальными комплексными знаками, в то время как ненормативные построения, несмотря на достаточно гибкое и дифференцированное современное отношение к норме, свидетельствуют об элементарной неграмотности и недостаточной речевой культуре носителей языка. Анализ употребления большинства УЗУАЛЬНЫХ сочетаний, образованных в течение двух последних десятилетий, дает основание фиксировать расширение сочетаемостных возможностей на лексическом и синтаксическом уровне и констатировать появление тенденции к аналитизму, проявляющей себя в процессе свертывания наименований, в сфере словообразования.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ (нетипичные, нестандартные, необычные) сочетания слов являются единичными и индивидуальными комплексными знаками, отличающимися, на первый взгляд, смысловым абсурдом, но при этом образующими нечто неординарное. В настоящее время они все чаще используются в речи носителей русского языка (ср. примеры из печатных СМИ (2000-2006 гг.): *лютая радость, веселая скорбь, человеческая*

жестокость, жестокое милосердие, трудолюбивый лентяй, знакомая незнакомка, богатый нищий, товарищеская война, блистательное отсутствие, красивый урод, неблагоприятная Мария, знойный гололед, ледяное пламя, бесстыжее целомудрие, православная дискотека, зимний огород, живая смерть, бессовестная совесть, тихий Беслан (с убийством детей), нежный паразит, горький десерт, голливудские стахановцы, русский Бельмондо, полезные микробы и др.), становятся проявлением лингвокреативной деятельности современного человека, влияя на композиционные нормы и языковую систему в целом.

В ряду наиболее типичных речевых ошибок, связанных с употреблением НЕНОРМАТИВНЫХ сочетаний существительных с прилагательными, замечены: 1) явная и скрытая тавтология и плеоназмы типа: *Вы стоите сейчас перед принятием решительных решений; Наша беседа подошла к завершающему концу; Наружная внешность героини достаточно привлекательна;* 2) семантическая тавтология, связанная с «издержками» в освоении иноязычных слов типа *обратный бумеранг, памятный сувенир, необычный феномен, ведущий лидер, первый пионер, коренной абориген, непосредственный свидетель, загородная фазенда;* 3) неудачное использование фразеологизмов вследствие незнания их семантики: *Радостные и счастливые выпускники спели на прощание свою лебединую песню; Директор школы на торжественной линейке сказал: «Мы сегодня собрались, чтобы проводить в последний путь своих выпускников»; Перед нашими учеными непечатый край научных поисков; Не замыкайтесь в себе и делитесь с нами своими больными местами.* Анализ описанных типов сочетаний позволяет предположить, что современный носитель русского языка представляет собой весьма противоречивую языковую личность, которой свойственны следующие когнитивные характеристики: аналитичность, дифференциальность, креативность, динамичность, импульсивность, эмоциональность, а также крайне высокое стремление к проявлению («нормативной» и «ненормативной») свободы как одного из способов самовыражения.

Гетерогенность и гетерохронность сочетаний «прил. + сущ.» проявляет себя в том, что механизмы порождения подобных единиц являются нетождественными, так же как нетождественны ИСТОЧНИКИ описываемого в диссертации материала. В §2 по происхождению знаний и когнитивно-концептуальной сложности сочетания «прил. + сущ.» разделены на три группы: 1) основанные на доминировании интралингвистических знаний, 2) основанные на смешанных (интралингвистических и экстралингвистических) знаниях, 3) основанные на доминировании экстралингвистических знаний.

На появление в языке и употребление в речи носителей языка сочетаний ПЕРВОЙ ГРУППЫ влияют известные и подробно описанные правила сочетаемости лексических единиц в пределах одного языка. Для того чтобы слова правильно «складывались» друг с другом, необходимо знать их лексико-семантические особенности и условия различных ограничений на эту сочетаемость (ср., напр.: **большАЯ мяч, *серые волосы* и т.д.).

Вторую группу представляют сочетания, в основе которых лежат СМЕШАННЫЕ знания – интра- и экстралингвистического характера. Для узнавания и использования таких сочетаний недостаточно знания только языка: сюда добавляются уже и некоторые знания о мире. Такие сочетания можно разделить в зависимости от происхождения на ИСКОННЫЕ и ЗАИМСТВОВАННЫЕ.

I. ИСКОННЫЕ: 1) метафорическое переосмысление свободных словосочетаний: *белые мухи, мыльный пузырь, тертый калач, девятый вал*; 2) переносное употребление составных терминов: *дымовая завеса, замкнутый круг, общий знаменатель, удельный вес, лакмусовая бумажка, нулевой цикл*; 3) компрессия пословиц, поговорок и крылатых выражений: *старый воробей* (ср.: *Старого воробья на мякине не проведешь*); *пламенный мотор* (ср.: *А вместо сердца пламенный мотор*); 4) модификация фразеологизмов, существовавших ранее: *длинный рубль – за длинным рублем; холостой ход – на холостом ходу; острый угол – под острым углом, птичьи права – на птичьих правах* (примеры взяты из: (Жуков 1986)); 5) расширение значения уже известного сочетания (*могучая кучка*).

II. ЗАИМСТВОВАННЫЕ: 1) из латинского и древнегреческого языков и употребляющиеся в русских текстах без перевода с той же лексической и концептуальной наполненностью (ср.: лат. *alma mater, idea fixa, tabula rasa*); 2) перешедшие в русский язык из других языков в результате калькирования с тем же значением: *синий чулок* (англ. *blue stocking*), *золотая лихорадка* (англ. *gold fever*), *музыкальный момент* (франц. *moment musical*); 3) встречающиеся как в исходной транскрипции, так и (все чаще) в переводе: *вечная история* (лат. *aeterna historia*), *правое дело* (*bona causa*), *здоровый смысл* (*bona mens*); 4) не воспринимаемые носителем русского языка как «чужеродные», однако имеющие в других языках соответствия либо заимствованные из них: *лебединая песня* - лат. *cantus cygneus*, *уважительная причина* - *causa justa*, *суровая необходимость* – *dura necessitas*.

Наиболее сложную группу представляют собой сочетания, основанные на ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ знании, которое, согласно Е.С.Кубряковой, может быть описано как отражательное и интерпретационное. В основе базового опыта, формирующего ОТРАЖАТЕЛЬНЫЕ сочетания, лежат сенсомоторные признаки (чувственный, наглядный, слуховой, зрительный, обонятельный и иной опыт конкретного индивида), ср.: *тяжелый камень, сладкая ягода, горькое лекарство*. Некоторые из этих единиц закрепляются в языке в виде несвободных стандартизированных или экзистенциально-перцептивных единиц. Большинство же представляют собой свободные сочетания слов, удовлетворяющие сиюминутные потребности говорящего в акте коммуникации.

Единицы ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО характера являются результатом отражения мира индивидом, а также определенной социальной, возрастной, национальной, расовой и иной группой людей. К комбинациям такого типа относятся, прежде всего, стереотипные, культурологически маркированные и

исторически обусловленные сочетания, делящиеся на исконные и заимствованные.

ИСКОННЫЕ сочетания ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО характера могут представлять следующие типы дискурса: 1) фольклорно-мифологический (сочетания, восходящие к русскому фольклору и устному народному творчеству: *молодильные яблоки, чистое поле, русалочки глаза, старая ведьма*); 2) религиозный: *адские муки, ангельское терпение/ вид/ характер/ доброта/ всепрощение; бесовское наваждение, дьявольские козни, райская жизнь*; 3) литературный (сочетания, восходящие к русской классической литературе: а) к названиям художественных произведений: *горячий снег, белая гвардия, бедные люди, вечный зов*; б) к цитатам из поэтических и прозаических текстов: *мимолетное виденье, разбитое корыто*; в) созданные под влиянием образов литературных персонажей и действующих лиц известных литературных произведений: *блоковская незнакомка, молчалинская услужливость, обломовский халат, онегинская скука*); 4) так называемый кинематографический: *небесный тихоход, чистое небо, обыкновенный фашизм*; 5) песенный: а) единицы, вошедшие в активный обиход носителей русского языка благодаря названиям песен: *синий платочек, сиреневый туман, тревожная молодость*; б) сочетания, взятые из текстов известных в разное время песен: *долгое эхо, ледовая дружина*; б) телевизионный: а) конструкции, восходящие к названиям телевизионных передач: *голубой огонек, большие гонки, кривое зеркало, смешные люди*; б) сочетания, получившие известность благодаря рекламным роликам: *райское наслаждение, сладкая парочка*, а также пришедшие из шоу-бизнеса: *гламурный вид, голливудская улыбка, живой звук*; 7) художественный (сочетания, восходящие к номинациям произведений искусства: *неравный брак, умирающий лебедь, собачий вальс, осенний сон, зимняя дорога, березовая роща, сосновый бор*); 8) исторический - знание реальных фактов из жизни и биографии известных русских людей и их действий (*пушкинский гений, гагаринская улыбка, горбачевская перестройка, стахановское движение, хрущевская оттепель*); 9) социально-политический (*многопартийная система, открытый микрофон, политический плюрализм, совместное предприятие, чернобыльская авария*); 10) зооморфный (сочетания, основанные на знании тех или иных особенностей животных и птиц; ср.: *волчий аппетит, жеребячий/ щенячий восторг, журавлиная/ лебединая шея, заячья душонка*).

ЗАИМСТВОВАННЫЕ сочетания ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО характера относятся к следующим типам дискурса: 1) мифологический (имеющие античное мифологическое происхождение: а) древнегреческое - *ахиллесова пята, ариаднина нить, сизифов труд*; б) древнеримское: *двуликий Янус*); 2) религиозный (*блудный сын, иудин поцелуй, фиговый листок*); 3) литературный (*божественная комедия, бальзаковский возраст, гамлетовский вопрос, донжуанские похождения*); 4) кинематографический (*крестный отец, китайский синдром, сладкий орешек, мыльная опера*); 5)

исторический (*наполеоновские планы, сальерическая зависть, гомерический смех, платоническая любовь, эзопов язык*).

В заключение параграфа делается вывод о том, что разные типы дискурсов мотивируют возникновение различных сочетаний слов. Так, например, мифологический и фольклорный дискурс обуславливают появление традиционно-эпитетных сочетаний; литературный, песенный, кинематографический, телевизионный и художественный дискурсы создают основания для описания культурологически маркированных и стереотипных сочетаний; исторический и социально-политический дискурсы предполагают существование и появление исторически обусловленных, или хронологически маркированных, комбинаций существительных с прилагательными. Однако в основании такого рода сочетаний в любом случае лежит *знание* человека о *мире*.

В §3 обосновывается необходимость выделения из тридцати тысяч проанализированных сочетаний «прил. + сущ.» особых единиц, получивших название АТРИБУТИВНО-СУБСТАНТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ (АСК). Прилагательное *атрибутивно-субстантивный* выполняет две функции: во-первых, указывает на состав двух входящих компонентов, а во-вторых, фиксирует внимание на отношениях между существительным и прилагательным, которые традиционно понимаются как атрибутивные. Существительное *комплекс* (лат. *complexus* 'связь, сочетание' - совокупность, сочетание предметов, действий, явлений или свойств, составляющих одно целое, и антоним существительного *симплекс*) указывает на то, что сочетание является сложным, интегрированным «сплавом» двух указанных частей речи.

В работе выводятся и подробно описываются дифференциальные признаки выделенных атрибутивно-субстантивных комплексов, наиболее значимыми среди которых являются следующие. 1) АСК как единицы номинации представляют собой рекуррентные структуры. В ментальном лексиконе говорящего они хранятся в подавляющем большинстве случаев как целостные единицы и характеризуются концептуальной композиционной слитностью. 2) На шкале композиционной семантики АСК располагаются в центре и включают в себя все выделенные к настоящему времени композиционно несвободные, лингвистически свободные единицы, такие как традиционно-эпитетные, экзистенциально-перцептивные, стандартизированные, клишированные, этикетные, номинирующие, стереотипные, культурологически маркированные, исторически обусловленные, дискурсивные, перифрастические и эвфемистические. 3) Типы композиционной семантики АСК не суммативные, но мотивированные и частично предсказуемые. 4) Большинство типов АСК, помимо обязательной части, имеют культурологический компонент, обладающий лингвокультурологической ценностью, выводимой из фоновых, часто национально окрашенных знаний индивида. АСК культурологичны и объективированы социумом. Для выявления значения АСК необходимо обязательное привлечение опыта человека и знаний говорящего/слушающего о действительности. Значение АСК не может быть исчерпано

обычной словарной дефиницией. 5) АСК отличаются большой когнитивной насыщенностью, информативностью и даже сложностью, связанной с имплицитными приращениями смыслов к целому по сравнению с суммой составляющих компонентов. 6) АСК характеризуются возможностью довольно свободной интерпретации и могут иметь разный смысл у носителей разных языков и культур, а также у представителей различных возрастных, социальных, гендерных и др. групп в пределах одного языка и одной культуры. 7) Количество АСК не может быть установлено точно (как жестко исчислимое) ни на уровне конкретного языка, ни в системе структур знания конкретной личности. 8) Многие АСК имеют национально-специфический характер, что подтвердилось в ходе проведенных психолингвистических экспериментов. 9) АСК как языковые единицы совмещают в себе признаки свободных словосочетаний и фразеологизмов. Со свободным словосочетанием (в соответствии с номинативной концепцией В.В.Виноградова) АСК имеют следующие общие характеристики: а) наличие в составе двух полнозначных слов, б) грамматическую раздельнооформленность, в) номинативность, непредикативность, существование подчинительной связи между компонентами, г) аналитичность семантики, - в то время как свободное строение и невозпроизводимость, являющиеся дифференциальными признаками свободного словосочетания, им не свойственны. Вместе с тем, в отличие от свободных сочетаний «прил. + сущ.», в которых атрибут выступает в виде определения, устанавливающего «предел» и наделяющего объект каким-либо признаком, АСК служат не столько описанию объекта, сколько *выделению* его из мира подобных объектов. От фразеологизмов АСК имеют частичную устойчивость, частичную воспроизводимость и наличие семантических сдвигов в значении лексических компонентов. 10) В большинстве случаев источник знаний, стоящих за тем или иным АСК, может быть определен с учетом функционирования анализируемых единиц в том или ином типе дискурса. 11) Как правило, АСК не позволяют инкорпорации и довольно редко трансформируются в предикативные конструкции. 12) АСК отражают широкие порождающие возможности имен прилагательных, способных создавать новые категориальные сущности и на этом основании имеющих возможность получить статус субкатегоризаторов. 13) АСК представляют собой новый пласт лексики и фиксируют новый формат знания современного носителя языка. Появление АСК связано с усложнением современной жизни и расширением сферы деятельности человека. Разные типы дискурсов мотивируют появление различных типов АСК. Наиболее серьезное влияние на формирование АСК оказывают в настоящее время телевизионный, песенный, кинематографический и социально-политический дискурсы, обуславливающие появление в большинстве своем стереотипных, клишированных и хронологически маркированных единиц. 14) Современные АСК в некоторой степени служат иллюстрацией когнитивного стиля современной языковой личности начала XXI века, к основным характеристикам которого относятся аналитичность, дифференциальность,

креативность, динамичность, импульсивность, эмоциональность, а также крайне высокая степень эксплицитной и имплицитной свободы. Думается, что в перспективе по причине дальнейшего возрастания темпов языковой динамики и в связи с объективными потребностями новых поколений анализируемые конструкции так же активно будут использоваться современным носителем языка - более раскованным и более динамичным, более технически образованным и более мобильным, более контактирующим с носителями других языков и более креативным.

В **Заключении** подводятся итоги работы, обобщаются результаты проведенного на материале конструкции «прил. + сущ.» анализа лексической сочетаемости в когнитивном аспекте и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах автора:

Монографии

1. Атрибутивная валентность релятивных существительных (на материале терминов родства). - Владимир: Посад, 2000. - 117 с. - 7,3 п.л.
2. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте. - Москва-Владимир: ИЯ РАН, ВГПУ, 2006. - 427 с. - 26,7 п.л.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук

3. Из истории изучения сочетаний «прилагательное + существительное» // Вопросы филологии. - 2006. - № 3 (24). - С. 13-20. - 0,45 п.л.
4. О некоторых новых явлениях в сочетаемости лексем современного русского языка (на материале атрибутивно-субстантивных комплексов) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Научный журнал. Серия «Общественные и гуманитарные науки». - 2006. - № 6 (16). - С.75-84. - 0,6 п.л.
5. О терминах 'валентность' и 'сочетаемость' в лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Научный журнал. Серия «Русская филология». - 2006. - № 2 (27). - С. 177-182. - 0,3 п.л.
6. О совместимости и несовместимости единиц в сфере сочетаний «имя прилагательное + имя существительное» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». - 2006. - №3 (16). - С. 52-57. - 0,3 п.л.
7. О фразеологизации сочетаний «прилагательное + существительное» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия «Гуманитарные науки». - 2006. - № 36. - С. 68-70. - 0,2 п.л.
8. К вопросу о причинах ограниченной сочетаемости слов (на материале атрибутивно-субстантивных комплексов) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. - 2006. - № 2. - Т. 12. - С. 199-206. - 0,45 п.л.

Статьи

9. Семантические разновидности качественных прилагательных при существительных-терминах родства // Четвертые Поливановские чтения: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Часть II. Лексика. Фразеология. Словообразование. - Смоленск, 1998. - 0,3 п.л.
10. О сочетаемости имен существительных с атрибутивными распространителями // Вестник Владимирского государственного педагогического университета. Научно-методический журнал. Выпуск 3. - Владимир, 1998. - 0,3 п.л.
11. К вопросу об атрибутивной валентности // Материалы второй Всероссийской научной конференции «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». Ч. II. - Сыктывкар, 1999. - 1,5 п.л.
12. О функционировании обязательных атрибутивных распространителей при существительных-терминах родства в современном русском языке // Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник материалов Международной научной конференции. - СПб.: СПбГТУ, 1999. - 0,4 п.л.
13. Прилагательные качественные и относительные (семантика и синтагматика) // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: материалы IV Международной конференции. - Владимир: ВГПУ, 2001. - 0,3 п.л.

14. Качественные и относительные прилагательные (явления переходности) // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сборник статей научно-методического семинара «Textus». - Вып.7. - М. - Ставрополь, 2001. - 0,4 п.л.
15. О необходимости создания когнитивного словаря сочетаемости (на материале русского языка) // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Ч.3. - Смоленск, 2002. - 0,4 п.л.
16. Слово в языке (к вопросу о теориях сочетаемости слов) // II Международная научная конференция, посвященная памяти В.С.Юрченко. - Саратов, 2002. - 0,4 п.л.
17. Сочетаемость слов как особая когнитивная способность человека // Труды Международного форума по проблемам науки, техники и образования. - Т.2. - М., 2002. - 0,3 п.л.
18. К вопросу о целесообразном использовании сочетаемостных возможностей слов в сфере преподавания русского языка как иностранного // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка: материалы X Международной научно-методической конференции. - Варшава (Польша), 2003. - 0,4 п.л.
19. Об устойчивости в неустойчивом (к вопросу об отражении картины мира в устойчивых номинациях) // Проблемы идиотнической фразеологии: доклады международного семинара. - СПб., 2003. - Вып.2(5). - 0,4 п.л.
20. О соотношении социальных и когнитивных способностей человека (на материале лексической сочетаемости) // Шестые Поливановские чтения: сборник статей по материалам докладов и сообщений. Ч.1. - Смоленск, 2003. - 0,3 п.л.
21. Лексическая сочетаемость как предмет когнитивной лингвистики // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы Международной научной конференции. - М., 2003. - 0,4 п.л.
22. К вопросу о феноменологии культурных концептов (в сфере перевода названий произведений искусства) // Мир человека и мир языка: коллективная монография. - Кемерово, 2003. - 0,4 п.л.
23. Wortschatzbildung in der russischen Sprache aus historischer Sicht // Russisch-Symposium am 12. März 2004 in Erlangen. - Institut für Fremdsprachen und Auslandskunde bei der Universität Erlangen-Nürnberg, 2004 (Германия). - 0,6 п.л.
24. Когнитивный диссонанс или соответствие? («когниофразеологизм» как маркер языковой личности) // Языки и транснациональные проблемы: материалы Международной науч. конф. - М. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2004. - 0,4 п.л.
25. Разноуровневы ли характеристики лексических единиц? (на материале устойчивых сочетаний «имя существительное + имя прилагательное») // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Ч. 2. - Смоленск, 2004. - 0,4 п.л.
26. Когнитивные фразеологизмы или фразеологические когниции: есть ли они? (материалы к когнитивному словарю сочетаемости слов) // Словарное наследие В.П.Жукова и пути развития русской и общей лексикографии: материалы Международного научного симпозиума. - Великий Новгород, 2004. - 0,3 п.л.
27. О происхождении и развитии «атрибутивной модели с зависимым словом адъективного типа» в синтагматическом аспекте // Грамматические категории и единицы: сб. научн. статей к 75-летию проф. А.Б.Копелиовича. - Владимир, 2004.- 0,9 п.л.
28. Когнитивная «русистика» (о сочетаемости субстантива и атрибута с когнитивных позиций) // Обработка текста и когнитивные технологии. - М.-Варна, 2004.- 0,3 п.л.
29. «О русском и не только...» (особенности сочетаемости прилагательного *русский* с атрибутивными распространителями) // Новое в теории и практике описания и

- преподавания русского языка: материалы XI Международной научно-методической конференции. - Варшава (Польша), 2004. - 0,4 п.л.
30. Психолингвистические методики исследования сочетаний имен // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X Международной научно-практической конференции. Ч. I. - Иркутск, 2005. - 0,4 п.л.
 31. О новых синтагматических тенденциях в сочетаниях «имя прилагательное + имя существительное» // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: материалы VI Международной научн. конф. - Владимир, 2005. - 0,6 п.л.
 32. О социокультурной и национально-лингвистической специфике комбинаций «Adjektiv + Substantiv» (на материале русского, немецкого и австрийского национального варианта немецкого языка) // Язык. Человек. Общество: международный сб. научн. трудов (к 60-летию проф. В.Т.Малыгина). - Санкт-Петербург - Владимир, 2005. - 1 п.л.
 33. О национально-культурной специфике сочетаний «имя прилагательное + имя существительное» (на материале русского языка) // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка: материалы XII Международной научно-методической конференции. - Варшава (Польша), 2005. - 0,4 п.л.
 34. Из истории изучения атрибутивных сочетаний в отечественной лингвистике // Языковые значения, формы и категории: сб. научн. статей к 70-летию проф. В.И.Фурашова. - Владимир, 2005. - 1 п.л.
 35. Что в «имени» тебе моем? (О сочетаемости имен существительных и прилагательных в когнитивном аспекте) // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2005. - № 1. - 0,5 п.л.
 36. Сочетания существительных с прилагательными как современные средства номинации (на материале названий телепередач) // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения: материалы I Международной научной конференции. - Кемерово, 2006. - 0,4 п.л.
 37. К вопросу об идентичности перевода некоторых прецедентных феноменов // Язык. Культура. Коммуникация: материалы Международной научной конференции: в 3 ч. Ч. 2. - Волгоград, 2006. - 0,3 п.л.
 38. О возможной связи когнитивных стилей и некоторых языковых процессов // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2006. - № 1. - 0,6 п.л.

Учебно-методические пособия

39. Мельникова, С.В., Юдина, Н.В. Имя и глагол: учебно-методическое пособие // С.В.Мельникова, Н.В.Юдина. - Димитровград: Димитровградский институт технологии, управления и дизайна, 2001. - 2 п.л.; в соавторстве - авторский вклад - 50%.
40. Цуккерман, А.С., Юдина, Н.В. Виды синтаксического разбора на занятиях по современному русскому языку. Ч.1. Словосочетание. Простое предложение: учебно-методическое пособие // А.С. Цуккерман, Н.В. Юдина. - Владимир: ВГПУ, 2002. - 3,4 п.л.; в соавторстве - авторский вклад - 50%.

Тезисы докладов и сообщений

41. К вопросу о семантике и синтагматике относительных прилагательных // Актуальные проблемы современной русистики: материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти В.И.Чернова. Ч.II. - Киров, 2000. - 0,1 п.л.
42. О причинах «дефектной» атрибутивной валентности лексико-семантической группы имен существительных-терминов родства (с позиции теории референции) // Виноградовские чтения: прагматические аспекты грамматической и лексической семантики. - М.: Гос. институт русского языка им. А.С.Пушкина, 2000. - 0,1 п.л.

43. Система терминов родства как часть русской ментальности (прошлое и настоящее) // Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность». - М.: МГУ, 2001. - 0,1 п.л.
44. О переходных явлениях в сфере лексико-семантических разрядов прилагательных // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: тезисы XV межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей. - Тверь, 2001. - 0,1 п.л.
45. Русская терминология родственных отношений как средство трансляции русской социальной и культурной ситуации // Международная научная конференция «Язык и культура» - М.: АН РАН, Институт иностранных языков, 2001. - 0,1 п.л.
46. Название произведения искусства как языковой и культурный феномен (на материале номинаций «прилагательное + существительное» в картинах художников-передвижников) // Человек. Язык. Искусство (памяти проф. Н.В.Черемисиной): материалы Международной научно-практической конференции. - М.: МПГУ, 2002. - 0,1 п.л.
47. К вопросу о трудностях сочетаемости слов (социокультурный и методический аспекты) // Преподавание и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России. - Нижний Новгород, 2002. - 0,1 п.л.
48. Сочетаемость слов как проблема межкультурной коммуникации (социокультурный и методический аспекты) // Межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная памяти проф. Г.А.Турбина. - Челябинск, 2002. - 0,2 п.л.
49. О проекте создания когнитивного словаря сочетаемости слов (на материале русского языка) // Теоретическая лексикография: современные тенденции развития: материалы V Международной школы-семинара. - Иваново, 2003. - 0,2 п.л.
50. К вопросу о лингвистических аспектах перевода в сфере русского и немецкого языков (на материале номинаций московских театральных постановок) // II Международная научная конференция «Язык и культура». - М.: РАН, ИИЯ, 2003. - 0,1 п.л.
51. К вопросу о языковых и ментальных способностях (на примере сочетаемости слов) // Психолингвистика и социолингвистика: состояние и перспективы: материалы Международной конференции, посвященной 70-летию Казахского национального университета им. Аль-Фараби. - Алматы (Казахстан), 2003. - 0,1 п.л.
52. Лексическая валентность как актуальный маркер языковой личности // II Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность». - М.: МГУ, 2004. - 0,1 п.л.
53. Когнитивные исследования сочетаемости имен // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах: материалы VI школы-семинара. - Иваново, 2005. - 0,2 п.л.
54. Лингвокультурные аспекты сочетаемости имен в русском языке // III Международная научная конференция «Язык и культура». - М.: РАН, РАЛН, 2005. - 0,05 п.л.
55. Лингвокогнитивные аспекты изучения сочетаемости слов // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. - Тамбов, 2006. - 0,1 п.л.

Всего по теме диссертации опубликовано **55** работ общим объемом **56** п.л.

Подписано в печать 15.12.2006

Усл. печ. л. - 2,3

Заказ № 104-06

Формат 60x84/16

Уч.-изд. л. - 2,5

Тираж 150 экз.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВГПУ

600024, г. Владимир, ул. Университетская, д.2

(4922) 33-87-40